

Ан Тала

Лавандовый туман

«Литнет»

2025

Тала А.

Лавандовый туман / А. Тала — «Литнет», 2025

Продолжение «Аромата лимона»: Пять лет прошло с тех пор, как Юмэлия и Миолан сбежали из замка. Аролан стал королём, и теперь на его плечи легла забота не только о маленьком сыне, но и обо всём королевстве. Юмэлия скрывается на Аваноре в облике странствующего кузнеца, а Миолан всё время доставляет эльфийке проблемы. Кажется, будто Юмэлия навсегда отреклась от семьи и дома. Однако над Квелендилом уже сгущаются тучи, а в роскошных стенах замка зреет заговор, грозящий нарушить покой во всём королевстве. Сможет ли Юмэлия развеять туман обмана и вернуться к Аролану? Или их брак обречён на забвение? Обложка книги: Одежки от М

© Тала А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	18
Глава IV	23
Глава V	28
Глава VI	36
Глава VII	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава I

гда не прерывался род королевский в Квелендиле, и никогда не шёл с войной брат на брата, ибо крепче семейных уз не найдёшь ничего во всём свете».

— «Книга Жизни».

— Юмэлан!

Зычный бас разнесся по кузнице и остановил молот в руках молодого кузнеца. Он откинул с влажного лба прядь коротких русых волос и уставился на тучного человека, что ворвался в кузню, размахивая свитком. На сорванной печати кузнец разглядел королевский герб и поморщился.

— Нам ещё заказ из Селенхэйла, — с широкой улыбкой возвестил мужчина. Серебристый шрам на его верхней губе изогнулся дугой. — На сотню мечей.

Кузнец положил молот на наковальню и потёр затекшие мышцы плеч.

— Сколько? — он вскинул тонкие брови и поправил белую, пропитавшуюся потом повязку на лбу, скрывавшую острые уголки ушей. — Зачем так много, Айвас? Война кончилась пять лет назад, или я чего-то не знаю?

Айвас небрежно скрутил свиток и постучал им по раскрытой широкой ладони.

— Да кто ж разберёт этих принцев эльфийских! — черные усы мужчины дернулись от возмущения. — Что им в голову взбрёдет, то и творят. Принц Диолан по всему Аванору, говорят, кузнецов ищет талантливых, хочет их к себе в Селенхэйл забрать. Но я тебя, Юмэлан, не отдам, не бойсь. Пусть эта эльфийская морда подавится!

Массивный кулак Айваса возник перед взором кузнеца. Он указательным пальцем отодвинул его и с насмешкой, сверкнувшей в светло-зелёных глазах, протянул:

— Но заказ ты всё же принял?

Айвас замялся и почесал лысый затылок.

— А что такого? Эльфийское золото тоже золото. Ты не отвлекайся, работай. Утром еще железо привезут, да не абы какое, из самого Алтерхэйла!

Мужчина замахал на кузнеца свитком и поспешил скрыться за дверью, посвистывая себе под крючковатый нос.

Юмэлия с протяжным вздохом стянула со лба повязку и с яростью кинула её об пол. Неровные пряди волос эльфийки торчали в разные стороны, едва доставая до точенного подбородка. Юмэлия закрыла лицо ладонями в попытках унять дрожь, танцующую на кончиках пальцев.

«Лгунья. Лгунья. Лгунья».

Ведливый шёпот щекоткой пронёсся по шее эльфийки. Она обернулась и резким движением достала кривой кинжал из-за пояса. Взмахнув им, Юмэлия оглядела полумрак кузни. Горн озорно пылал и потрескивал, разгорячая воздух. На стенах висели кувалды, молотки и клещи. Пахло горячим железом, угольной пылью и гарью. Юмэлия втягивала носом воздух, успокаиваясь, но тревога застыла в её плоской груди, утянутой плотным слоем ткани под льняной рубахой.

— Хватит преследовать меня, — прошипела она, но ответом ей стало молчание. Юмэлия прошлась по кузне, заглядывая в каждый уголок, и только когда убедилась, что никого, кроме неё, нет, убрала кинжал за пояс.

«Никуда ты от меня не сбежишь. Я всегда буду следовать за тобой, куда бы ты ни пошла, птичка».

Юмэлия закрыла уши руками и в отчаяние воскликнула:

— Убирайся из моей головы!

Издевательский хохот ледяными мурашками пробежался по шраму на спине эльфийки. Она поёжилась и отняла ладони, прислушиваясь к треску угольков в очаге.

— Сколько бы ты за мной ни гонялась, Тень, — прохрипела Юмэлия. — Никогда по твоему не будет. И не мечтай.

Эльфийка приблизилась к наковальне. Заготовка давно остыла, и Юмэлии пришлось раскалять металл снова, прежде чем приступить к ковке. Когда цвет стали сменился на огненно-рыжий, эльфийка вынула её из горна и взмахнула молотом. Мышцы рук под загорелой, лоснящейся от пота кожей забугрились. Юмэлия ловко ударила по раскаленной заготовке. Все мысли улетучивались из её головы со звоном молота. Она терпеть не могла, когда её отрывали от работы, ведь тогда призраки, что гнались за ней, начинали овладевать её разумом.

Воздух с шипением вырывался из стиснутых зубов Юмэлии. Потревоженные на ладонях мозоли горели, но эльфийка не замечала боли. Как сильно бы ни страдало её тело, с болью в душе ничто не могло сравниться.

— Юмэлан!

Звонкий мальчишеский голосок ворвался в кузню с лёгким порывом прохладного вечернего ветра, пахнущего специями и едкой вонью нечистот.

Юмэлия выругалась и отбросила молот. Он глухо ударился об пол, оставив в толстых досках вмятину.

— Да что ж такое, Брам? — воскликнула эльфийка и с раздражением уставилась на светловолосого мальчика. Округлые уши его покрылись розовой краской смущения под грозным взглядом Юмэлии, однако Брам встрепенулся, вспомнив о цели визита.

— Там твой брат опять в таверне драку устроил! — мальчишка шмыгнул носом и указал грязным пальцем себе за спину. — А вдруг стражников позовут? Опять придётся Айвасу платить начальнику стражи, чтобы...

Но Юмэлия уже не слушала причитаний Брама. Она порывисто сняла с себя кожаный фартук и бросила его под ноги.

— Что б его! — Юмэлия в пару шагов приблизилась к мальчишке, схватила его за ворот рваной рубахи и приподняла над полом. — Где он?

Брам вцепился в руку эльфийки, но она держала так крепко, что он не смог избавиться от её хватки.

— В «Буреломе», — выдавил мальчишка, хватая ртом воздух.

Лицо Брама посерело, Юмэлия, опомнившись, опустила его и виновато отвела взгляд.

— Извини. Оставайся тут, сторожи кузню.

Брам кивнул и принялся растирать шею, на которой остался красноватый след. Юмэлия выбежала на улицу, с силой захлопнув за собой дверь.

— Вечно от этих эльфов одни неприятности, — мальчишка обиженно надул губы, плюхнулся на стул и гневно уставился на затухающее в горне пламя.

Улицы Франгербурга встретили Юмэлию бранью и хохотом, стуком колёс повозок и монотонными причитаниями калек, выпрашивающих монетку у равнодушных прохожих. Эльфийка мчалась по мощёным проулкам под любопытными взглядами прохожих, которые с нескрываемой неприязнью разглядывали её заострённые уши.

Юмэлия выругалась, вспомнив, что оставила повязку в кузне. Конечно, любой бы и с прикрытыми ушами признал в ней юного эльфа, уж слишком изящны и красивы были черты лица, однако лишний раз напоминать людям Франгербурга о своей природе было чревато побоями, и Юмэлия об этом знала не понаслышке.

Ей кричали вслед краснощекие стражники с бурдюками вина в руках, но эльфийка проносилась мимо. Грудь её горела от тревоги и нехватки воздуха, однако Юмэлия остановилась лишь тогда, когда в конце узкой улочки, пропахшей рыбой и кошками, заметила вывеску с изображением поваленных деревьев и кривой надписью «Бурелом», написанной красной краской, которая подозрительно напоминала засохшую кровь.

Юмэлия влетела в таверну и тут же пригнулась. Над её головой пролетела бутылка и с размаху врезалась в дверь. Осколки вместе с кислым вином брызнули на пол, окропив багрянцем рубаху Юмэлии.

— Да я же не знал, что она жена твоя, честное слово! — высокий пустынный эльф уворачивался от широких кулаков крупного мужчины, лицо коего искажала яростная гримаса. — Где ж мне знать, что такая красавица могла под такого жирного борова возлечь.

Мужчина взревел, схватил ближайший стул и бросил его в эльфа. Тот уклонился с издевательской усмешкой. Толпа хмельных зрителей взревела и вскинула деревянные кружки с пивом. Им было всё равно за кого болеть, главное, чтобы зрелище растянулось как можно дольше. Однако всё же люди громче скандировали имя мужчины, поощряя его гнев.

— Торн! Торн! Торн! — крики зрителей гремели в таверне, сотрясая трухлявые деревянные стены.

Мужчина повёл плечами, на его мускулистых руках набухли голубоватые вены, а над губой проступили капельки пота. Он приближался к пустынному эльфу, а тот неторопливо отступал, слегка пошатываясь.

Юмэлия пробивалась сквозь плотное кольцо зрителей, отпихивая пьянчуг, которые недовольно бурчали ей вслед.

— Ты радоваться должен, что я на твою жену внимание обратил, — пустынный эльф схватил из рук дварфа, сидящего за круглым столом неподалеку, кружку с пивом, осушил её в два глотка и утёр пену с губ. — Значит, спросом пользуется, раз такой видный эльф, как я, возжелал провести с ней ночь. У тебя хороший вкус, Торн, можешь собой гордиться!

Толпа взорвалась хохотом, а Торн только сильнее рассвирепел. Он кинул в пустынного эльфа бутылкой, но тот отскочил в сторону, и она влетела в стену.

— Я тебе зубы сейчас все кулаком пересчитаю, эльфийская морда! — рычал Торн, наступая на беззаботного эльфа. Мужчина бросился в атаку, но тут перед ним возникла Юмэлия. Она вынула кинжал из-за пояса и выставила его вперёд. Сталь блеснула в свете факелов, заставляя Торна остановиться. Восторженные крики стихли, сменившись настороженным молчанием.

— Спокойно! — Юмэлия прикрыла спиной пустынного эльфа и застыла в боевой стойке, готовая пустить кинжал в ход в любое мгновение. — Хотите в темнице ночи коротать? Не видишь что ли, Лан вдрызг упился и за языком не следит. Какой спрос с него? Очухается утром, так и разбирайтесь.

Торн, тяжело дыша, сверлил Юмэлию взглядом, но нападать не спешил. Мужчина опустил сжатые кулаки вдоль тела и прокричал:

— Ты, кузнец, не встречай! Этот прохвост заслужил тумачков, — он впился в Лана уничтожительным взглядом, а тот, покачиваясь из стороны в сторону, строил из себя пьянчужку. — Думаешь, раз ты эльф, то тебе всё можно? Франгербург — наш город, вам тут никто не рад!

Юмэлия стиснула зубы, не найдя, что ответить. Тут за её спиной послышался дрожащий голос Лана, в нём сквозили притворные слёзы:

— Да нам нигде не рады, удивил. Мать померла давно, а родной отец нас ни во что не ставил, — Лан всхлипнул и закинул на плечо Юмэлии руку, притягивая её своим весом к полу. — Оказывается, мы его разочаровали, потому что не такие способные, как старший брат. А что старший? Помер он! Не спас его талант. И знаешь, кто убил его? Наш родненький батенька! Представляешь, что за семейка у нас?

Юмэлия с трудом сдержалась, чтобы не скинуть тяжелого Лана на грязный пол таверны. Пустынный эльф рыдал в голос на плече «брата». Зрители недоуменно переглядывались, а Торн с презрением отшатнулся от странной парочки.

— Что ты делаешь? — грозно шипела на ухо Лану Юмэлия. — Что за представление ты тут устроил?

Но Лан ей не ответил, продолжая выдавливать из себя рыдания.

— Да ну тебя, убогого, — рядом с Торном встал коротконогий хозяин таверны. Он махнул на «братьев» засаленным полотенцем. — Выметайся отсюда, Лан, чтоб ноги твоей больше в «Буреломе» не было. И ты, Юмэлан, к нам не заглядывай. Знаешь же, что нельзя с оружием.

Юмэлия подхватила Лана за талию и повела его к выходу. Толпа расступалась от них, как от прокаженных.

— Простите, — бросила Юмэлия через плечо, кряхтя от усилий, — больше не заявимся, обещаю.

Они почти уже добрались до выхода, как Торн кинул им в спину:

— Сын шлюхи!

Лан громко хохотнул, прерывая плачь, и обернулся. От хмельного угара следа как ни бывало.

— А ты муж шлюхи, — с задором возвестил Лан с кривой улыбкой на напряженных губах. — И посредственной, скажу я тебе.

Торн весь побагровел. Хозяин таверны вцепился в него в попытках остановить, но мужчина с воинственным криком прорывался через толпу, снося всё вокруг себя.

— Ну и дурак ты! — Выругалась Юмэлия и, схватив Лана за предплечье, бросилась бежать.

Они петляли по улицам, расталкивая прохожих. Вслед им неслись ругательства и отдаленные крики Торна.

— Сюда! — вскричал Лан и указал на проулок, тонувший во мраке. Юмэлия забежала вслед за эльфом в спасительную темноту. Тяжело дыша, они укрылись за ящиками с отходами. Мимо пронеслись стражники с дубинами наперевес. И только когда шум и топот ног стихли, Юмэлия облегченно откинулась спиной на склизкую стену.

— Что на тебя нашло, Миолан? — Она с силой стукнула кулаком по плечу пустынного эльфа. — Просила же тебя быть осторожнее. Вот и надо тебе было связываться с замужней женщиной?

Миолан потёр ушибленное плечо и с лукавой ухмылкой поглядел на Юмэлию.

— О, я только и делаю, что связываюсь с замужними дамами.

Юмэлия снова замахнулась, но Миолан вскинул руки, сдаваясь.

— Юмэ, не злись. Я от скуки здесь помираю. Может, пора дальше выдвигаться? Сколько мы здесь уже? Год почти.

Юмэлия сглотнула горькую слюну. Сердце в её груди колотилось не столько от погони, сколько от тоски, пропитавшей слова Миолана. Чувство вины, с коим Юмэлия давно успела срастись, удушало и скручивало внутренности эльфийки. Она закрыла лицо мозолистыми шершавыми ладонями и выдохнула:

— А куда дальше?

Они скитались по свету вот уже пять лет и нигде подолгу не останавливались. Чем дольше они оставались на одном месте, тем громче становился голос Тени, тем сильнее он сводил Юмэлию с ума. Однако во Франгербурге им удалось задержаться подольше. Юмэлию принял на работу Брам под видом юноши Юмэлана с талантом к кузнечному делу, а Миолан помогал его кузне в торговле, договариваясь о заказах с богатыми клиентами не без помощи их скупающих по мужской ласке жён.

— Не знаю, — пожал плечами Миолан и откинул от себя носком сапога плесневелые рыбные кости, — это ты у нас беглянка, а я так, жертва обстоятельств.

Юмэлия отняла руки от лица и состроила гримасу.

— Ты давно мог сесть на корабль и уплыть в Алтерхэйл.

Эльфийка осеклась. Она зареклась произносить название города, в котором оставила так много. Миолан сделал вид, что не заметил заминки Юмэлии и испуганно выпучил карие глаза.

— Чтобы король Аролан меня казнил тут же, как я на пороге его замка заявлюсь? Нет уж. Вместе ушли, вместе и вернёмся. Будешь?

Миолан достал из-за пазухи бурдюк с вином, который успел утащить из таверны, и протянул Юмэлии. Эльфийка поморщилась и оттолкнула заманчивое предложение ладонью.

— Нет, спасибо.

Миолан приложился к горлышку и откинул голову, припав к стене затылком. Сквозь трещины в каменной кладке городской стены пробивались багряное золото заката и легкий ветерок, пахнувший морской солью и сладостью цветов.

— Вишни цветут, — возвестил Миолан, глядя на медленно плывущие по небу облака.

Юмэлия невольно коснулась плоского живота там, где когда-то ярко сияла золотом руна. Пальцы её обожгло воспоминаниями.

— Знаю.

Миолан сделал неторопливый глоток. Мимо пробежала плешивая кошка, хвост её недовольно покачивался оттого, что её укромное место заняли беглые эльфы.

— Пять лет минуло, — прошептал Миолан.

Юмэлия прикрыла веки. Перед её внутренним взором возникло крохотное личико с такими же зелеными, как у неё, глазами.

— Знаю.

Вот уже пятый год Юмэлия ненавидела себя за то, что выбрала свободу, а не предначертанную дорогу. И каждый день она расплачивалась за сделанный выбор собственным рассудком, растворяясь в кошмарах и издевательском хохоте Тени.

Глава II

«Считают время люди по дням, а эльфы по ночам, ведь нет у людского племени магии, и нет в них уважения к лунному лику».

— «Книга Жизни».

Двенадцать лет назад. Алтерхэйл

Принц Аролан в раздражении спровадил из Малого зала советников, которые в очередной раз намеревались хитростью и сладостными речами взять власть над Алтерхэйлом в свои руки. Ведь где это видано, чтобы городом правил мальчишка, разменявший всего четырнадцать всен.

Магистр Лунтан попытался было образумить взбешенного принца, но Аролан резко поднялся с твёрдого каменного трона и покинул приёмный зал, с грохотом захлопнув за собой дверь. Он шёл по коридорам замка и путался в непривычных закутках и пролётах. Всё в Алтерхэйле ему казалось чужим и враждебным, начиная с холодных каменных стен, заканчивая незнакомыми лицами гвардейцев и жителей города. Лишь одно лицо ему было знакомо, но эта эльфийка теперь и не ведала, что их связывало общее прошлое.

Над замком сгустились чёрные тучи, будто мысли Аролана вырвались из его головы и обратились в бурю. Он зарекся вспоминать о Юмэлиш, но каждый раз, когда покидал замок, искал её русые с золотым отливом волосы в толпе, её нежно-зеленые глаза и улыбку, прятанной ложью и предательство.

Стиснув кулаки, Аролан завернул на просторную открытую террасу и поморщился от яркого света закатного солнца. До принца донесся стук дерева о камень и рваное дыхание. Аролан прищурился в попытках разглядеть, кто посмел нарушить его одиночество своим присутствием, и принцу было всё равно, что это именно он незваным гостем ворвался на террасу.

Пустынный эльф, не старше Аролана, с деревянным мечом в руке нелепо выписывал пируэты вокруг каменной статуи, изображающей одного из древних правителей Алтерхэйла. Эльф отбивался от притворных ударов, колотя статую по каменным рукам, и пыхтел от натуги.

Аролан прислонился плечом к стене и принялся с усмешкой разглядывать непутёвого воина. Пшеничные короткие волосы его торчали в разные стороны, в светло-карих глазах плясали лукавые искорки. Коричневая рубашка пустынного эльфа была небрежно расстегнута на груди, на скуластой щеке алел свежий синяк. Аролан нахмурился, узнав в чертах мальчишки того, кого однажды обрёк на погибель.

Пустынный эльф остановился, заметив, что его разглядывают. Он повернулся на пятках, уперся мечом в пол и тяжело задышал, восстанавливая дыхание.

— Ты Миолан? — голос Аролана против его воли дрогнул. — Сын генерала Талграса? Миолан стёр пот с лица, встал и поклонился, отставив руку с мечом в сторону.

— Да, он привёз меня с собой из столицы, Ваше Высочество.

Аролан оттолкнулся от стены и приблизился к эльфу. Придирчиво оглядел его и указал подбородком на ладонь, в которой Миолан стискивал меч.

— Ты неправильно его держишь.

Миолан хохотнул и изогнул светлую бровь.

— Думаете, я не знаю? Если я буду стараться на тренировках, то отец никогда от меня не отстанет. Если буду лентяйничать, он поймёт, наконец, что я не Ирилан. Я не хочу быть гвардейцем.

Откровенность Миолана ошарашила Аролана. Он не ожидал, что тот так легко откроет свою душу первому встречному. При упоминании имени Ирилана, сердце принца, окаменевшее от пережитых страданий, дрогнуло.

— А кем ты хочешь быть? — тихо спросил Аролан, отведя взгляд от покрасневшего от «схватки» лица Миолана.

— Не знаю, — пожал плечами тот и покрутил в руках меч, — просто быть.

Они умолкли, искоса приглядываясь друг к другу. Тяжесть вины сдавливала грудь Аролана, и он, не в силах сопротивляться ей, разорвал молчание неожиданным предложением:

— Давай сразимся, пока генерала нет?

Миолан вскинул брови и с широкой улыбкой указал острием в грудь Аролана.

— Не верите, что я взаправду знаю, как держать меч, Ваше Высочество? Считаете, что я лгу?

Непосредственность Миолана заражала принца, вынудила его улыбнуться и поддаться влиянию свободного духа пустынного эльфа.

— Да. И... — принц ненадолго замялся, но затем уверенно произнёс, протянув Миолану руку: — Зови меня Аролан. Не нужно титулов.

Миолан недоверчиво покосился на протянутую ладонь и закинул деревянный меч на плечо.

— Ладно, Аролан, — всё же ответил на рукопожатие он. — Меня дважды просить не надо. Сейчас я надеру твой королевский зад, Ваше Высочество.

Аролан хмыкнул и направился к стойке с мечами в дальнем конце террасы, чувствуя, что нашёл лекарство от своего одиночества.

Миолан сидел на столе, подтянув к себе колено, и смотрел, как из-под молота Юмэлии в воздух кузни взмываются огненные искры. Стук металла о металл звоном разносился по душевной комнате, смешиваясь с гомоном оживленных прохожих за окном.

Юмэлия не замечала, как Миолан пристально разглядывает её. Он подмечал изменения в её внешности, поражаясь, как такая женственная и прекрасная в прошлом эльфийка, сейчас походила на юного эльфа. Скулы Юмэлии заострились, взгляд стал жестким и пронизательным. Всё её тело, казалось, состояло только из мышц и силы, несвойственной изящным принцессам Квелендиля.

Миолан поморщился и отвёл взгляд. Изменения в Юмэлии тревожили его, особенно сильно его заботило её душевное состояние. Комнаты Миолана и Юмэлии, которые они снимали у Айваса, располагались рядом, так что пустынный эльф часто слышал её крики по ночам и невнятное бормотание, будто эльфийка вела с кем-то напряжённую беседу.

В кузницу вошёл Айвас. Он бросил недовольный взгляд на Миолана, но тот не стал слезать со стола, а лишь помахал мужчине с широкой улыбкой. Юмэлия даже глаза не подняла на владельца кузни. Всё её внимание сосредоточилось на заготовке будущего меча для принца Диолана.

Айвас огляделся и нахмурился.

— А что, железо ещё не доставили?

Миолан беспечно пожал плечами.

— Да что ж такое! — Айвас гневно стукнул кулаком по столу, на котором сидел Миолан. — Какой раз задерживают, куда это годится? Ну-ка, Юмэлан, сбегай в порт, узнай, что там у них случилось.

Молот замер над головой эльфийки. Она недовольно опустила его и с нескрываемым раздражением уставилась на Айваса.

— Ты же сказал мне не отвлекаться от работы. Или принц Диолан подождёт?

Миолан соскочил со стола и в недоумении воззрился на Юмэлию.

— Что? Диолан? А он причём?

Но эльфийка оставила его восклицания без ответа, продолжая прожигать Айваса взглядом.

Мужчина нетерпеливо взмахнул рукой. Его густые черные брови подрагивали от возмущения, а на красном лице проявлялись неровные белые пятна.

— Ничего с ним не случится, эльфы долго живут, что ему пара дней. Давай, туда и обратно, — замахал на Юмэлию Айвас. — Не Брама же мне посылать. И братца захвати с собой. Только в этот раз без кровопролития, ясно вам?

Айвас указал на Миолана толстым указательным пальцем и строго прищурился.

— А я что? — Миолан поднял ладони. — Это всё Юмэлан. Это он любит своим кинжалом размахивать почём зря.

Юмэлия гневно зыркнула на пустынного эльфа, но промолчала. Знала, что если поддаться на подначки Миолана, то можно до утра провести в пустых препирательствах.

— Если возникнут проблемы, — Айвас подошёл ближе к Юмэлии. До носа эльфийки донесся кислый запах его пота и курительных смесей, — предложите золото, только не слишком много.

— Я умею торговаться, — Миолан щегольски поправил ворот белой ситцевой рубахи и посмотрел на Юмэлию. — Идём, братец, а то так и до ночи не управимся.

Эльфийка прорычала под нос что-то невнятное, сняла кожаный фартук и бросила его на пол. Резким жестом поправила повязку на лбу, проверяя, закрывает ли она уши, и быстро покинула кузню, даже не убедившись, идёт ли Миолан за ней.

Морской воздух охладил горячие щеки Юмэлии. На Франгербург опускались сиреневые сумерки, город оживал, готовился к праздным ночным гуляниям, которыми так славился. На стенах двухэтажных каменных домиков тут и там зажигались масляные фонари, воздух наполняли ароматы жареного мяса и духов, коими так щедро обливались люди, чтобы скрыть запах пота. В густых тенях подворотен притаились наёмники и грабители в ожидании легкой добычи. Юмэлия неслась мимо бродячих торговцев и зазывал таверн, а Миолан широкими шагами пытался догнать эльфийку.

— Ты куёшь мечи для Диолана? — Миолан схватил Юмэлию за локоть, чтобы хоть немного приостановить её. — Старшего брата Аролана, этого напыщенного сноба?

Эльфийка уловила в тоне Миолана возмущение и невольно вскинула брови от изумления.

— А что такого? Мне нет дела до политики. Есть работа и хорошо.

Миолан криво ухмыльнулся и покачал головой.

— Ну ты даешь, Юмэ. Аролан твой муж, а ты помогаешь его старшему брату против него заговор устроить?

Юмэлия остановилась посреди улицы. В неё чуть не врезался дварф с телегой, набитой мешками с зерном. Он глухо выругался и обогнул эльфийку. Прохожие с интересом поглядывали на парочку, в предвкушении скорой ссоры.

Миолан молча смотрел, как Юмэлия пытается подобрать слова. Всякий раз, когда она слышала имя своего супруга, её накрывала паника. Ей чудилось, что его имя имеет над ней такую же власть, как и сам Аролан. Даже в мыслях о нём, она избегала называть мужа, предпочитая оставлять его безымянным.

— Что ты такое несёшь? Какой заговор? — хрипло прошипела Юмэлия, ткнув в крепкую грудь Миолана пальцем. — С роду никогда в королевской семье ссор не было. Камелан добровольно отдал корону... — она замаялась. — Нынешнему королю. О каком заговоре может идти речь? Всё это домыслы. И хватит об этом. Говорила же, не хочу обсуждать никого из королевской семьи.

Миолан прищёлкнул языком.

— Вредная ты стала. Так и сочишься желчью. Свобода на тебя плохо влияет.

Юмэлия хмыкнула и стремительно развернулась. Быстрым шагом она направилась в сторону порта, старательно игнорируя сгустки теней в темных проулках, которые глумливо посмеивались над беглянкой.

Гавань Франгербурга полнилась торговыми и военными кораблями с континента. После разгромного поражения Аванора в войне пять лет назад, островитянам запретили иметь войско и флот. Воины, лишившись работы, разбрелись по свету. Кто выпрашивал милостыню, кто подался в разбойники, но мало кто нашёл себе место по нраву. Моряки же аванорского флота подались в торговлю и пиратство, часто совмещали они и одно и другое.

Юмэлия вдохнула носом промозглый ветер Лавандового моря. Где бы они с Миоланом не побывали, только во Франгербурге воздух пах также, как и в Алтерхэйле: еле уловимый запах тины, соли и лаванды, что цвела круглый год на склонах Тихих гор.

Миолан шёл позади и приветствовал редких прохожих. К вечеру моряки покидали гавань, чтобы погрузиться в ночную разгульную жизнь крупного людского города. Что-что, а гулять люди умели на славу, и даже эльфы с континента, прикрыв острые уши, не брезговали вкушать сладость бессонных ночей Франгербурга.

Юмэлия шагнула на деревянный причал и принялась высматривать знакомые лица. Возле рыбацкой лодки с линиялыми парусами на ящиках сидел рыжебородый дварф и курил трубку. Горький аромат табака зашекотал ноздри Юмэлии, когда она приблизилась к нему и без предисловий спросила:

— Днарг, где корабль из Алтерхэйла? Не знаешь, почему задерживается?

Днарг приподнял кустистые брови, его морщинистое, пропитанное солью и ветром лицо, вытянулось от неожиданности. Дварф настороженно оглядел воинственную Юмэлию и покоился на её пояс, где висел в ножнах кинжал.

— Так он давно тут. Капитан что-то со стражниками не поделил, вот его и не пускают сойти с корабля, — Днарг указал мундштуком трубки за своё плечо. — Да ты сам сходи погляди, вон он, с зелеными парусами.

Юмэлия подняла голову и принялась выискивать взглядом среди десятка кораблей необходимый. Долго искать не пришлось. Торговый корабль по имени «Альцион», прибывший из Алтерхэйла, заметно отличался от смоленых людских галер и грубых лодок дварфов. Корпус эльфийского корабля был выточен из цельного ствола посеребренного дуба. Его плавные линии отливали перламутровым блеском, будто корабль выплыл прямиком из недр Подводного царства. На носу гордо вздымалась фигура русалки настолько реалистичная, что, казалось, настоящую русалку покрыли серебристой краской и пришили к кораблю. Вместо грубых полотнищ парусов по ветру струилась изумрудная легкая ткань, пропитанная чарами. Она переливалась в свете первых звезд серебристыми искрами, привлекая взор любого, кому посчастливилось проходить мимо. Юмэлия замечала восхищенные и в то же время завистливые взгляды моряков, в тайне мечтавших хотя бы раз покорить бушующие волны Лавандового моря на столь великолепном судне.

Оглядевшись, Юмэлия не заметила рядом с собой Миолана, но решила не ждать его, а направиться прямиком к капитану «Альциона», которого окружили двое стражников. Речной эльф хмурился, тогда как стражники с нескрываемой издевкой наступали на него, поигрывая дубинками.

— Я уже уплатил пошлину, чего вам ещё надобно? — капитан «Альциона» потёр переносицу и покачал головой, светлые волосы его рассыпались по широким плечам золотистыми лучами.

— Кому платил? Торговой палате? — Высокий худой страж ткнул дубинкой в грудь капитана. — Это ты им платил, а нам не платил.

Речной эльф брезгливо отвёл от себя дубинку и вскинул подбородок.

— Разбойники вы, вот вы кто. Не стану платить этому городу больше, чем уже отдал.

Тучный стражник провёл двумя пальцами по своим крученым усам и взглядом указал на высыпавших на корму «Альциона» эльфов.

— Тогда никто из твоей команды на берег не сойдет. Подумай о товарищах, каково им будет слышать гуляния и не иметь возможности присоединиться к ним?

Капитан оглянулся и посмотрел на скучающих членов своей команды, тяжело вздохнул и, смиренно опустив плечи, с ненавистью воззрился на стражников.

— Сколько вам надо?

— А сколько не жалко, — слащаво протянул тучный стражник. — Ты ж железо везёшь? А оно нынче дорогое.

— Да, — вторил ему высокий страж. — Ты ж на королевский двор работаешь, значит, в золоте купаешься. Что тебе, жалко пару монет достойным стражам отсыпать?

— Мы безопасность твою обеспечиваем, а ты жадничаешь, — ехидничал тучный страж.

Они наседали на капитана «Альциона», стуча дубинками по мозолистым ладоням, заставляя речного эльфа отходить к краю пристани. Юмэлии надоело смотреть на то, как смертные принижают достойного эльфа. Она зашла за спину стражникам, прочистила горло и, понизив тон, грубо проговорила:

— И не стыдно вам в людных местах эльфов обворовывать? Что, в подворотнях не осталось бедолаг, с которых можно стрясти золото?

Стражники медленно обернулись и смерили Юмэлию презрительными взглядами.

— Ты ещё кто, мальчишка? Захотелось в темнице посидеть? — тучный сделал шаг к эльфийке и направил на неё дубинку, но его высокий товарищ, признав Юмэлию, поспешил схватить первого за плечо.

— Это кузнец Айваса, ты чего.

Тучный стражник тут же отступил и растянулся в слащавой улыбке.

— А-а, Айваса, значит. Его что ли поставка? — он указал дубинкой на «Альцион».

Юмэлия хмыкнула и скрестила руки на плоской груди.

— А кого же ещё?

Тучный страж оттянул тугой ворот тёмного кафтана и глухо рассмеялся, поглядывая на своего напарника.

— Ну, тогда передавай ему наши пожелания, чтоб дело его процветало. Что ж ты сразу не сказал, капитан? — он прищелкнул языком, указав подбородком на речного эльфа. — Мы б тебя сразу пропустили. Пойдём тогда мы, чего зазря языками молоть.

Стражники заметно стушевались при упоминании имени Айваса, который владел многими заведениями во Франгербурге и не скупился на взятки, и поторопились ретироваться. Они учтиво склонили головы, их металлические шлемы в виде колпаков с полями, достигающими до бровей, сально блеснули в свете масляных фонарей. Отсалютовав, стражи отошли в поисках следующей жертвы их неуёмного аппетита.

Юмэлия проводила их пристальным взглядом. После окончания войны аванорцы не считали себя проигравшими и часто отыгрывались на эльфах, которые в силу своего воспитания предпочитали не вступать в ссоры с людьми, считая их неразумными отроками. Но люди несколько не расстраивались от подобного к ним отношения, а извлекали из него выгоду, притесняя эльфов при любом удобном случае.

— Наглецы! — недовольный возглас капитана «Альциона» привлек внимание Юмэлии. — Управы на них нет. Проиграли в войне, так ещё и зубы скалят. Вот доберется король Аролан до них, посмотрим, за кем последнее слово будет.

Эльфийка вздрогнула, услышав упоминание о супруге. Она безмолвно уставилась на речного эльфа, не в силах что-либо сказать, как тут на помощь ей подоспел Миолан. Лицо его покраснело, дыхание часто вздымало мускулистую грудь, будто пустынному эльфу пришлось

от кого-то убежать, но Юмэлия не стала проявлять любопытство: Миолан отлично умел находить на свою голову проблемы, куда бы ни пошёл.

— Здравствуй, Утгар, как там в Алтерхэйле? — он почтительно склонился в поклоне.
— Спокойно всё?

Утгар ответил на приветствие, лицо капитана разгладилось, голубые глаза его восторженно сверкнули.

— Да, благослови его духи. Готовимся к празднику, как никак именины наследного принца, король впервые представит его народу.

Юмэлию обдало холодом, одеревеневшие пальцы её потянулись к рукояти кинжала в попытках найти опору.

— Пять лет ему вроде как? — Кивал Миолан. — Принцу.

Грудь Юмэлии сдавило, она с трудом могла сделать короткий вдох сквозь стиснутые зубы. Чувство всепоглощающей вины захлестнуло эльфийку, оглушило, призвав Тень из глубины разума.

— Уж большой совсем, — Утгар счастливо улыбался, совершенно позабыв о недавней стычке со стражниками. — Народу не терпится имя его узнать, чтобы молиться за него духам.

Юмэлия прикрыла веки, позволяя теням окутать её, вызвать ярость, которая придавала бы эльфийке сил сопротивляться. Не открывая глаз, она быстро выпалила:

— Довольно болтовни. Пусть железо поскорее везут в кузню. Вы же знаете, Айвас не любит ждать.

Утгар нахмурился. Беседа с Миоланом ему доставляла явное удовольствие, и капитан недоумевал, отчего Юмэлия так спешит оборвать их мирный разговор. Утгар хотел было ответить ей, однако Миолан его опередил и беспечно поинтересовался:

— А что обратно когда отплываете?

Капитан «Альциона» оживился и вновь повернулся к Миолану.

— Завтра вечером. Хотите отправиться с нами?

Пустынный эльф покосился на Юмэлию, она в гневе схватила Миолана за рукав и настойчиво потянула его к себе, но тот упёрся ногами в пристань, и эльфийка оставила бесполезные попытки.

— Нет, — она резко одернула руку, ноздри её дрогнули. — Мы уходим. Не заставляйте нас возвращаться, капитан.

Юмэлия стремительно развернулась и направилась прочь из гавани, не заметив, как Миолан передал капитану сложенный кусок бумаги, а тот в ответ молчаливо отдал ему свиток.

Когда Миолан нагнал Юмэлию, она развернулась и, прищурившись, спросила:

— Ты чего удумал?

— Ничего, просто спросил, разговор поддержал, — Миолан повёл плечами и вскинул бровь. — Ты чего такая раздраженная? Опять приступы мучают? Говорил я тебе, давай съездим в Священную Рощу, но нет, упрямисься. Раз нас за пять лет так никто и не нашёл, то почему бы втайне не приплыть ненадолго? Пообщаешься с верховными дриадами, они подлечат твою головушку и...

— Нет! — Юмэлия вскричала, привлекая к себе внимание хмельных моряков. Заметив, что на неё смотрят с глумливым интересом, она спешно проговорила: — С моей головой всё в порядке. И оставим эти разговоры!

Она развернулась на пятках и, не дожидаясь Миолана, ушла.

— Какие же вы упрямые, — закачал головой пустынный эльф, глядя на то, как растворяется в тенях вечера Юмэлия. — И угораздило же меня заиметь таких вредных друзей.

Но до эльфийки его слова не долетели. Она шла вперёд, не замечая, как налетает на моряков, которые кричали ей вслед грязные ругательства. Юмэлия спешила к кузне, к тяжести

молота, к работе, спасающей её от мыслей. Она не могла позволить им овладеть собой без риска окончательно обезуметь.

«*Трусиха*», — подгонял её хриплый голос вездесущей Тени.

Глава III

«Имя наследника скрывать должно, пока не исполнится тому пять вёсен. Тогда дух его окрепнет, и ни один неверный глаз не сможет пожелать ему дурного».

— *«Книга Жизни».*

Солёный ветер Лавандового моря сдул последние остатки дневного света с Франгербурга и погрузил его во тьму. Масляные фонари на домах, тавернах и постоянных дворах привлекали одиноких прохожих, которые не успели найти себе на ночь пристанище среди весёлой компании. Но Юмэлию не интересовали развлечения смертных. Она шла к кузнице, не останавливаясь, и пугливо озиралась по сторонам.

«Говорила же, что надо торопиться, — бурчала Юмэлия про себя, прислушиваясь к стуку каблучков своих сапог по мощенной дороге, который походил на быстрый стук её сердца. — Не успели до ночи, а если меня вдруг опять...»

— *Вдруг опять что?* — пронзительный шёпот холодом пробежал по щеке Юмэлии. Эльфийка отшатнулась и принялась неистово тереть кожу.

— Убейся! — Закричала Юмэлия и вынула из ножен на поясе кинжал. Несколько людей, коим не посчастливилось оказаться рядом, в испуге отпрянули от обезумевшей эльфийки.

— *Иначе что? Сбежишь?* — хохотала Тень. Мрак в проулках пришёл в движение, наступая на Юмэлию. — *Не устала бегать, птичка? Дай мне поймать тебя.*

Темнота стекала по влажным стенам домов, собиралась в склизкую лужу под ногами Юмэлии и затягивала её в глубину отчаяния.

Эльфийка дернулась, пытаясь сдвинуться с места, но ноги её прилипли к теням. Мороз окутывал щиколотки и бедра Юмэлии, подобрался к её дрожащим рукам и часто вздымающейся груди.

— Нет! Не трогай меня! — Эльфийка замахала кинжалом, но Тень лишь сильнее рассмеялась, утягивая Юмэлию к земле. — Убейся!

Дыхание её сперло, горло сдавило судорогой. Юмэлия упала на колени и схватилась за шею, хрипя от нехватки воздуха. Перед глазами её дико плясали тени, а её собственное юное лицо выглядывало тут и там из темных окон домов, скаля белоснежные зубы.

Сердце стучало о ребра с такой болью, что Юмэлии казалось, ещё немного и оно навсегда остановится от усталости.

«Я умру здесь, — проносилось в её воспаленном рассудке. — Я умру... Так мне и надо...».

Крепкие руки подхватили Юмэлию за предплечья и потянули вверх. Из-за темноты она не разглядела, кто это был, но по знакомому травянисто-пряному аромату с лёгкими нотками малины она признала Миолана. Он тащил Юмэлию за руки, пока тьма перед её глазами не сменилась на тёплый свет, а смех Тени не стих под натиском радостных хмельных возгласов.

— Дыши, Юмэ, дыши, — Миолан утянул эльфийку в тихий уголок ближайшей таверны и принялся гладить её по спине. — Медленно, вот так. Никто тебя не обидит, ты в безопасности.

Юмэлия хрипела, воздух со свистом пробирался в её легкие, хватка Тени постепенно ослаблялась, пока и вовсе не схлынула.

Расцепив напряженные пальцы, Юмэлия отпустила рубаху Миолана. Только сейчас она заметила, как сильно сжимала её, так, что оставила смятые полосы на ткани.

— Где мы? — прохрипела эльфийка и начала осматриваться, чтобы отвлечься от притихшего зова Тени. Таверна походила на десятки таких же, рассыпанных по всему Франгербургу, разве что посетители были гораздо спокойнее и воспитаннее, чем гости «Бурелома».

— «Храбрый вояка», — Миолан почесал затылок и отвел взгляд от покрасневшего лица Юмэлии. Она замотала головой, ища кого-то, а затем укрылась за деревянной колонной и потянула за собой Миолана.

— Ты нарочно меня сюда притащил? — прошипела Юмэлия, её голос едва был слышен за звонкими переливами лютни и людскими голосами.

Миолан уперся рукой о колонну и наклонился к Юмэлии, чтобы не кричать во весь голос.

— Эта таверна была ближайшей. К тому же, отсюда меня ещё не успели вышвырнуть с позором. Полегчало? Можем идти.

Юмэлия кивнула. Голова её кружилась от недавнего приступа, но сил было достаточно, чтобы уйти. Однако, когда Юмэлия направилась к выходу, её остановил зычный бас.

— Меления, спой нам ещё!

Юмэлия застыла, по спине её пробежались колючие мурашки.

— Да, давай ту, про эльфийку! — раздался ещё один голос, и толпа «Храброго вояки» одобрительно загудела.

Юмэлия обернулась и наткнулась взглядом на безмятежного Миолана, который, прислонившись спиной к колонне, выражал всем своим видом невинность.

— Ты это нарочно, — эльфийка в два шага приблизилась к Миолану и ткнула ему кулаком в живот. Пустынный эльф притворно скривился и отвёл руку Юмэлии подальше от себя.

— Зато ты успокоилась, — усмехнулся он.

— Я тебя ненавижу, — сузив глаза, Юмэлия улавливала первые ноты знакомой баллады. Миолан вздохнул и покачал головой.

— Совершенно не заслуженно.

Юмэлия хотело было ему ответить колкостью, но не успела: Меления тонким, хрустальным голоском завела протяжную песню, пропитанную тоской и безысходностью.

— Пошли сядем, а то невежливо как-то, — Миолан взял Юмэлию за предплечье и повел к свободным столикам в задней части таверны, укрытой полумраком. — Садись, принесу что-нибудь выпить.

Юмэлия послушно опустилась на стул и натянула повязку ниже на лоб, будто это помогло бы ей спрятаться от собственной матери, которая сидела на высоком стуле посреди таверны и с лютней в руках пела знакомый до боли сюжет:

В тени дубов и клёнов гордых

Живёт эльфийка зла полна.

В словах её ни капли правды,

А в мыслях только чернота.

Лишь поцелуй её пробудит

И к свету душу вознесёт.

Но отыскать её в тумане

Не может принц который год.

Длинные тонкие пальцы Мелении изящно перебегали по струнам, песня её лилась, как неспешный ручеек среди цветущих лугов и тенистых лесов. Таверна притихла, прислушиваясь к словам баллады, отовсюду слышались растроганные всхлипы, на лицах посетителей сияли умиленные улыбки. Люди, дварфы и эльфы единогласно покорялись голосу Мелении, не решаясь прервать его даже вздохом.

Юмэлия жадно разглядывала Мелению, будто не могла насытиться ею. Она была главной причиной, по которой они с Миоланом так долго оставались во Франгербурге. Юмэлия не могла заставить себя покинуть город, в котором проживала мать. Она чувствовала себя обязанной наблюдать за той, кого когда-то лишилась. Видеть её счастье, слышать её голос и представлять, что песни Мелении, коих Юмэлия никогда не слышала от матери в детстве, предназначались только для неё.

Когда Тень начала показывать Юмэлии в кошмарах обрывки её прошлого, она поняла, что долгое время жила во лжи, которую сама же для себя и построила. И самым главным враньём была она — Меления. Юмэлия привыкла ненавидеть её, привыкла жить в уверенности, что невиновна в побеге матери, и когда это оказалось неправдой, не смогла смириться со своей виной.

С каждым днём воспоминания Юмэлии складывались в витраж из стекол, которые накладывались друг на друга и меняли тусклые оттенки на яркие цвета. То были обжигающие чувства ярости, вины, ненависти и тоски, причиной которых являлась она сама.

Мысли Юмэлии запутывались всё больше, она переставала понимать, что было на самом деле, а что она выдумала в попытках обелить свои гнусные поступки. Но едва Юмэлия встречалась с Меленией, видела её благодушное лицо и мягкий свет голубых, как речная вода, глаз, то уверялась в одном — эта эльфийка ни за что бы не сбегала, бросив детей и мужа, а, значит, Тень не лгала и показывала Юмэлии осколки её реального прошлого.

Юмэлия знала, что Миолан прав, что с головой её творится нечто странное, но от одной мысли о том, чтобы вернуться в Алтерхэйл, в Священную Рощу, где она оставила последнюю возможность построить крепкую семью вместе с Ароланом и новорожденным сыном, её охватывал неукротимый ужас.

Эльфийка с силой впиалась пальцами в столешницу, покоряясь меланхолии баллады.

«Какой матерью я могла бы стать для него? — Юмэлия медленно дышала через нос, памятуя о наставлениях Миолана. — Разве могла я обречь его на проклятье? Все, кто был мне дорог, страдали из-за меня, так разве могла я втянуть в этот водоворот и своего сына?».

Меления пела о чарах, о лесных духах и дриадах, вложивших в героиню её баллады древнюю магию, которая принесла ей только боль и страдания.

«Нет, — Юмэлия перевела взгляд с матери на заляпанную столешницу. — Со своим отцом ему будет лучше. Он даст ему то, чего я никогда не смогу. И если ради светлого будущего сына мне придётся никогда его не увидеть, я готова пойти на эту жертву. Ради него».

Миолан вернулся с двумя кружками в руках. Себе он взял медовое пиво, а перед Юмэлией поставил ячменный чай. Эльфийка придвинула к себе напиток, сделала глоток, но не почувствовала вкуса. Она медленно пила, согревая продрогшее от тревог тело, и запоминала мельчайшие нотки и переливы голоса матери, которая позабыла о том, что у неё когда-то была дочь.

Посетители «Бравого вояки» не отпускали Мелению до первой утренней звезды. Она пела и пела, убаюкивая своим голосом Юмэлию, о легендах Квелендиля, о лесных и речных духах, о путешествиях в самые отдаленные края мира, о которых многие и не ведали.

Юмэлия оперлась локтем о столешницу и подперла подбородок кулаком. Голова её тяжела, наполняясь тоскливыми мыслями. Но радость за маму, которая светила от счастья, облегчала чувство вины, сковывающее Юмэлию железными путами. Эльфийка сомневалась, что Меления улыбалась бы так искренне и так часто, если бы не ушла из дома, влекомая чарами дочери. По крайней мере, Юмэлия не помнила, чтобы мама выглядела столь спокойной и красивой в её трагичном детстве.

— Ещё чай, — Миолан поставил перед эльфийкой дымящуюся пряным ароматом кружку и придиричиво оглядел Юмэлию. — Спишь?

Она медленно моргнула, веки её отяжелели, мечтательно стремясь воссоединиться и увлечь хозяйку в царство кошмарных сновидений.

Юмэлия сделала большой глоток ячменного чая, поморщилась от обжигающего чувства на языке и, шатаясь, поднялась со стула.

— Устала. Пора возвращаться.

Миолан протянул ей руку, чтобы помочь, но Юмэлия покачала головой и самостоятельно выбралась из-за стола. Она бросила взгляд на Мелению, которая готовилась уходить, и похлопала Миолана по плечу.

— Жди на улице, я сейчас.

Пустынный эльф прищурился, но всё же согласно кивнул и непринужденно вышел в прохладный предрассветный полумрак.

Юмэлия нерешительно двинулась в сторону матери. Всякий раз, когда она сталкивалась с Меленией, Юмэлия только смотрела издали и никогда не вступала с ней в беседу, страшись, что не сумеет совладать с собой и не разрыдаться на груди у матери, которой не было рядом в самые трудные моменты жизни дочери. Юмэлия давно простила Мелению, но привычка ненавидеть её никуда не исчезала, омрачая редкие тёплые воспоминания их недолгого семейного счастья.

— Хотите песню? — Меления подняла голову и тепло улыбнулась Юмэлии, которая замерла в паре шагов от матери. Речная эльфийка выглядела уставшей, но голубые глаза её сияли готовностью петь для гостя сколь угодно долго.

Юмэлия сглотнула горечь и принялась заламывать руки, нервно переступая с ноги на ногу.

— Нет, я... — она потупила взор. — Просто, хотел сказать, что у вас прекрасный голос.

Меления поднялась со стула, аккуратно уложила на него лютню и приблизилась к робеющей Юмэлии. До эльфийки донесся её аромат, который совсем не вязался с тем, каким его помнила Юмэлия — морской бриз и мелисса. Раньше от кожи и одежды Мелении исходил запах сырости и заброшенности, которым пропитался их дом.

— Спасибо, — речная эльфийка мягко улыбнулась и наклонила голову, чтоб рассмотреть лицо Юмэлии. Меж её светлых бровей залегла складка волнения. — Мы раньше не встречались? Как вас зовут?

Паника накрыла Юмэлию, когда Меления потянулась к ней, чтобы коснуться. Она отшатнулась от матери и спешно склонила голову, чтобы скрыть краску смущения.

— Простите, мне... — на заплетающихся ногах Юмэлия двинулась спиной к выходу, не поднимая глаз. — Мне надо идти.

Она развернулась на каблуках сапог и направилась на улицу, расталкивая посетителей. Когда Юмэлия вырвалась наружу, она прерывисто вздохнула и склонилась, упершись дрожащими ладонями в колени. Выпитый чай бурлил тошнотой в её желудке, в ушах звенело, а Тень неистово хохотала в глубинах её разума.

— Порядок? — Миолан тронул Юмэлию за плечо. Она вздрогнула и медленно поднялась.

— Да. Хотя... — эльфийка тронула свой лоб, он пылал жаром. — Нет. Что-то голова кружится. Надо присесть.

Юмэлия покачнулась, тело её устремилось к земле, но Миолан вовремя подхватил её за плечи.

— Тихонько, вот так, — он наклонился, просунул руку под ноги Юмэлии и легко поднял эльфийку. — Понесу тебя, так и быть.

— Не надо, — Юмэлия покачала головой, но сопротивляться сил у неё не нашлось, так что она покорно застыла в крепких руках Миолана. — Эльфов так не носят, сразу раскусят, что я дева.

Миолан хмыкнул и понёс Юмэлию вперёд.

— Да не всё ли равно? И здесь нет никого, кто бы смог запомнить. Ты не переживай, отдохай. Умаялась поди раздражаться по пустякам. Знаешь, в такие моменты ты мне так напоминаешь Аролана, что мне кажется, будто я скучаю по этому засранцу. Хотя... Теперь он король, вряд ли удастся с ним весело проводить время, как раньше. Ты меня слушаешь?

Сознание Юмэлии мутилось, слова Миолана она воспринимала, как надоедливый шум, который мешал ей заснуть.

— Угу, — она прикрыла глаза и склонила голову на грудь пустынного эльфа.

Миолан покосился на Юмэлию, дыхание её выровнялось, тело потяжелело.

— Завидую я вам, дуракам, — вздохнул он. — Нашли друг друга, а я по свету кружусь, а никого так и не отыскал, кого смог бы полюбить сильнее, чем себя самого. Видимо, я рожден не для любви, а для дружбы.

Юмэлия не ответила. Миолан остановился и слегка встряхнул её, но Юмэлия даже глаз не открыла.

— Спишь что ли? Вот так, захочешь завести откровенный разговор, как твой собеседник засыпает. Ну точно, вы с Ароланом друг друга стоите.

Юмэлия нахмурилась сквозь дремоту и поёжилась.

— М-м.

— Спи, дорогуша, набирайся сил, — прошептал Миолан с таинственной усмешкой на устах. — Они тебе скоро понадобятся.

Юмэлия провалилась в сон, а потому не заметила, что Миолан уносил её всё дальше и дальше от кузницы Айваса.

Глава IV

«Не сидится пустынным эльфам на месте, кочуют они с песнями и танцами по свету. За реками следуют речные эльфы. Как меняется течение, бросают они свои дома и следуют за водным потоком. Пещерные эльфы любят селиться в чужих городах и присваивать их себе, однако чтят они родину свою, хоть и покидают её в юные годы. И только лесные эльфы живут там, где родились, за это достойны они уважения и почитания».

— «Книга Жизни».

Одиннадцать лет назад

Аролан и Миолан неспешно прохаживались по главной площади Алтерхэйла, в центре которой наскоро соорудили деревянную сцену для бродячих артистов. Кулисами ей служили расшитые шелковыми нитями полотнища голубой и изумрудной ткани, изображающие леса и полноводные реки. Артисты, пустынные эльфы, репетировали возле фургонов, а прохожие с интересом окружили их, нетерпеливо ожидая, когда же начнётся представление.

На самом краю мощенной серым камнем площади застыла одинокая худощавая эльфийка в заношенном плаще. В руках она держала потрепанную корзинку с двумя вялыми яблоками и куском сыра. Пустой взгляд её был обращен на артистов, однако мысли эльфийки явно летали где-то за пределами Алтерхэйла.

Аролан остановился и уставился на эльфийку, в которой тут же признал Юмэлию. В последний раз они виделись несколько месяцев назад. С того дня, как Юмэлия забыла Аролана, прошёл уже год, а принц так ни разу не осмелился подойти к ней. Он лишь прожигал её взглядом каждый раз, когда натёкался на неё в толпе.

Юмэлия сильно похудела за это время, щеки её осунулись, с русых волос пропал золотистый блеск, руки походили на тонкие палки. Сердце Аролана сжалось, сочувствие почти перекрыло ненависть, пылающую в нём всякий раз, как он видел ту, кто выбрала стереть его из памяти.

— Понравилась? — насмешливое лицо Миолана возникло перед Ароланом, закрыв Юмэлию. — А она красивая. Хотя, трудно найти некрасивую эльфийку. Разве что Идрисия... Эй! Ты куда?

Миолан крикнул вслед удаляющемуся принцу. Аролан, влекомый внезапным порывом, стремительно направился к Юмэлии. Эльфийка, заметив его, вздрогнула и склонилась в поклоне.

— Доброго дня, Ваше Высочество, — торопливо проговорила она, не поднимая головы. — Что-то случилось?

— Почему ты такая тощая?

Едкое раздражение в тоне Аролана заставило Юмэлию выпрямиться и взглянуть на принца с недоумением. Подоспевший Миолан уставился на Аролана с неменьшим изумлением.

— Что, простите? — Юмэлия пригнула голову к плечам, однако во взгляде её полыхнули искры. — Моя семья ещё не оправилась от голода, нам не на что покупать еду.

Аролан скривился и грубо бросил:

— Разве у кузнеца нет работы? Он что, сидит без дела, пока его семья голодает?

Брови Юмэлии взмыли вверх. Она сжала ручку корзинки в побелевших пальцах и сделала невольный шаг к принцу.

— Что вы такое говорите? — возмущенно воскликнула она. — Отец делает всё, что может, ради нас с братом, но в Алтерхэйле все пострадали от голода, мало кто способен платить достойно за работу.

Аролан хищно улыбнулся. Принц впервые видел на столь знакомом лице гнев, обращенный на него, и в груди его расцветало удовольствие.

«Если не хочешь любить меня, так возненавидь, — думал он, делая шаг к Юмэлии. — Всё лучше, чем видеть холодность и безразличие».

— Глупые оправдания, — колкость сорвалась с его уст в надежде вызвать желанную реакцию, и она не заставила долго ждать.

Эльфийка вскипела от ярости. Она вскинула подбородок и затараторила, боясь, что её остановят раньше, чем она успеет высказать своё недовольство:

— А вам какое дело? Вам нечем заняться, что вы решили поучить эльфов, как им жить? Вам должно быть стыдно! Сидите в замке на троне, ничего не делаете, а народ ваш страдает!

Прохожие, которые наблюдали за бродячими артистами, обернулись на крик Юмэлии. Миолан поспешил вмешаться и втиснулся между Ароланом и эльфийкой.

— Эй, ты полегче! — строго прикрикнул на Юмэлию он. — С принцем всё-таки говоришь, в темницу захотела?

Юмэлия вздрогнула всем телом, но отступить и не думала.

— А и пусть в темницу! Всё лучше, чем терпеть насмешки! — щеки эльфийки пылали, в глазах заискрилась жизнь. Теперь Аролан узнавал в ней ту девочку, которой однажды отдал своё сердце.

Он отвёл взгляд от Юмэлии и кивнул ей.

— Ступай.

Она хмыкнула, резким движением оправила плащ и состроила принцу гримасу.

— И пойду. Всего вам хорошего, Ваше Высочество, — Юмэлия театрально поклонилась и поспешила скрыться с глаз долой, пока принцу и в самом деле не пришло в голову запереть её за нахальство в темнице.

Аролан сжал пальцами переносицу и поморщился. Он потерял контроль. Он обещал себе не общаться с Юмэлией, не лезть в её жизнь, но видеть, как она страдает, как бедность вытягивает из неё жизненные соки, ему было невыносимо.

— Ты чего её отпустил? — Миолан похлопал Аролана по плечу, привлекая его внимание. — Разве ей не полагается наказание за такое поведение? Может, ты ей золота ещё отсыпешь за то, что она тебя оскорбила?

Аролан отнял руку и посмотрел на друга. Решимость озарила лицо принца, но он не собирался делиться с Миоланом своим намерением.

— Идём в замок, мне нужно отправить письмо отцу, — и, не дожидаясь ответа Миолана, Аролан направился к замку.

— Ладно, как скажешь, — Миолан пожал плечами и ускорил шаг, чтобы догнать странно загадочного друга.

В темнице в недрах своего разума Юмэлия чувствовала себя, как дома. За пять лет еже-ночных кошмаров, эльфийка успела свыкнуться с ними. Она ощущала себя древней плакучей ивой, оплетенной страхами, как омелой, вытягивающей из неё все соки.

Тень сидела в центре клетки, скрестив ноги, и с презрением смотрела на Юмэлию. Свеча в грязных руках Тени горела ярко, пламя её трепетало от промозглого сквозняка, что гулял по пустым камерам темницы.

Истории из прошлого Юмэлии давно иссякли, так что Тень теперь либо молча взидала на эльфийку, либо глумилась над ней, тормоша старые раны, которые никак не желали затягиваться. Сегодня же Тень была без настроения, а потому Юмэлия решила попытать удачу и перетянуть её на свою сторону.

Эльфийка решительно приблизилась к решетке и вцепилась в прутья.

— Впусти меня.

Тень вскинула бровь, в её темных глазах плясали крошечные отблески пламени.

— *Зачем это?*

Юмэлия придвинула лицо к прутьям и сквозь зубы прошипела:

— *Чтобы я могла убить тебя.*

Тень беззвучно засмеялась и покачала головой.

— *Убьёшь меня, и сама умрёшь. Пустить?*

Холодок пробежался по спине Юмэлии, обнаженные плечи покрылись мурашками. Тени не нужно было ничего делать, чтобы напугать эльфийку. Той было достаточно напоминать Юмэлии из раза в раз об их связи, которую не разорвать ни магией, ни лекарственными отварами.

— Если смерть поможет мне от тебя избавиться, то пусти, — не отступала Юмэлия, зная, что ничего не сможет добиться от Тени. Эльфийка всегда проигрывала в их игре, правила которой знала только её мрачная копия.

— *Ты не понимаешь, о чём просишь,* — пожала худыми плечами Тень. — *Да и у меня нет ключа.*

Юмэлия приблизилась к двери в камеру и коснулась пальцами тяжелого навесного замка. Он обжог эльфийку колким морозом.

— Где его взять?

— *Думаешь, я скажу?* — издевательская насмешка изуродовало юное лицо Тени. — *Не со мной тебе надо беседы вести. Скоро мы станем ещё ближе, чем прежде.*

Юмэлия отпрянула от замка и в недоумении уставилась на Тень.

— О чём ты?

— *О, как приятно лицезреть твоё неведение,* — от тихого смеха Тени свеча едва не потухла. — *Птичка возвращается в золотую клетку и, надеюсь, на этот раз ты не сможешь из неё упорхнуть. А теперь убирайся!*

Злобный крик Тени грохотом пронёсся по темнице, потушил огонёк свечи и выдернул Юмэлию из сна.

Плавные покачивания и скрип дерева мешали Юмэлии проснуться. Её так и подмывало свернуться в клубочек и вновь уснуть, пусть это и означало бы новую встречу с Тенью. Но как только Юмэлия попыталась лечь на бок и смахнуть с запястий странное стягивающее ощущение, как что-то дернуло её за руки. Эльфийка поморщилась и открыла глаза.

Тусклое свечение одинокого магического фонаря озаряло янтарными тенями небольшую комнату сплошь из тёмного дерева. Стены её качались и скрипели, в крохотное круглое окошко под потолком долетали крики голодных чаек и плеск солёных волн.

— Миолан? — позвала Юмэлия, оглядывая пустую каюту. Гнев постепенно обволакивал её тело, смешиваясь с разочарованием. — Я знаю, что ты где-то здесь. Что происходит? Миолан!

В тёмном углу каюты кто-то тихо выругался и зашуршал с протяжным зевком.

— Не кричи, я спал, — хрипло пробурчал Миолан и вышел на свет фонаря. Светлые короткие волосы его торчали в стороны, как пучки соломы, белая рубаша была расстегнута на мускулистой груди, а в карих глазах танцевали лукавые смешинки, которые злили Юмэлию не меньше, чем его непринужденность. — Быстро же ты проснулась, думал, до рассвета тебя не добудешься.

Юмэлия дернулась, чтобы встать, но её руки, связанные за спиной, не дали эльфийке пошевелиться. Она оглянулась через плечо и заметила на запястьях веревку, конец которой крепился к металлическому крюку на стене.

Эльфийка обернулась к Миолану, который расслабленно сел напротив неё, и смерила его ненавидящим взглядом.

— Что ты делаешь? — прошипела она, глядя на то, как Миолан вынимает из кармана штанов яблоко, протирает его о рубаху и впивается в него зубами.

Пустынный эльф хрустнул сочной плотью яблока и с полным ртом проговорил:

— Похищаю тебя, что же ещё. Мы плывём в Алтерхэйл на «Альционе».

Хоть Юмэлия и предполагала, что неспроста Миолан связал её, но всё равно от услышанного эльфийку пробрал ужас. Она в панике задергалась, колотя ногами воздух, однако только сдирала себе кожу на запястьях.

— Нет, я не вернусь! — кричала она в попытках сдернуть веревку с крюка. — Развяжи меня!

Миолан продолжал лениво хрустеть яблоком, не впечатленный рвением Юмэлии.

— Да, Юмэ, вернёшься, — он прикончил плод в несколько укусов и отправил огрызок в полёт в угол каюты. — Если ты сама себя спасти не хочешь, кто-то же должен это сделать.

Юмэлия притихла. Кожу на руках жгло, во рту горело от жажды, а голова её гудела от мыслей. Эльфийка нахмурилась и едва слышно пробормотала:

— Я не вернусь в замок.

Она столько раз в мыслях представляла себе, как переступает порог замка и встречается с Ароланом, Юрдзангом, отцом и маленьким сыном. И всегда в этих фантазиях лица её близких перекашивались от холодной ярости. А теперь ей суждено пережить встречу с ними в реальности? Юмэлия поморщилась и опустила голову, сомневаясь, что её сердце перенесёт подобное потрясение.

Миолан потянулся, скрестив пальцы в замок, и с ухмылкой проговорил:

— А мы и не в замок, в Рошу. Я же говорил, тебе головушку полечить надо. Никто и не узнает, что мы вернулись.

Юмэлия с сомнением вскинула подбородок, однако неожиданное облегчение всё же расслабило её задубевшие от тревог мышцы.

— Ты — сын генерала Талграса, все в Алтерхэйле знают, что ты сбежал, капитан наверняка всем растреплет, кого везёт на своём корабле.

Её слова заставили Миолана рассмеяться. Его глаза в полумраке казались почти чёрными.

— Да, все знают, что у генерала есть сын, но мало кто знает, как он выглядит, — Миолан прищурился, на мгновение лицо его подернулось унынием. — Хоть я и сопровождал Аролана всюду, но он всегда забирал на себя всё внимание, так что без его прекрасного лица рядом, вряд ли кто обратит на меня свой интерес. А на тебя тем более. Ты не похожа на принцессу Юмэлию, ты — грязнуля Юмэлан.

Эльфийка скривилась и села поудобнее, чувствуя, как горит натертая кожа запястий. Однако боль затмилась любопытством. Юмэлия прислонилась спиной к стене и закинула голову, глядя на Миолана из-под полуопущенных ресниц.

— Ты меня нарочно усыпил? Что ты добавил в чай?

— Мятный эликсир, — без обвиняков отвечивал Миолан.

Юмэлия нахмурилась. В воспоминаниях, которыми с ней делилась Тень, упоминалось столь мощное средство для усыпления, однако эльфийка недоумевала, откуда о нём мог узнать Миолан, и почему из всех снотворных эликсиров выбрал именно тот, с коим Юмэлии уже приходилось иметь дело в прошлом.

— С каких пор ты разбираешься в травах?

Миолан поднялся на ноги и беспечно оправил штаны, растянутые на коленках.

— Я и не разбираюсь. Спросил у дочери лекаря, с которой провёл прекрасную...

Юмэлия быстро закачала головой и оборвала бахвальство Миолана:

— Мне неинтересны такие подробности. Достаточно и того, что ты опоил меня, похитил, а теперь везёшь прямиком в пасть дракону. Может, развяжешь?

Эльфийка пошевелила плечами и указала взглядом на крюк над своей головой.

Миолан вытянул губы трубочкой и скрестил руки на груди.

— Пообещаешь не бросаться за борт? Мы посреди Лавандового моря, пойдёшь на корм русалкам.

Юмэлия закатила глаза.

— Я не настолько отчаялась.

Этого ответа Миолану было достаточно, чтобы придвинуться к Юмэлии и в пару ловких движений развязать тугой узел на её запястьях. Эльфийка потеряла ссадины и нерешительно поднялась на ноги, держась за качающуюся стену. Юмэлия пошатнулась, но устояла, ощущая, как из пустого желудка к горлу поднимается горькая тошнота. Она ненавидела плавать по морям и рекам, её тело противилось столь непривычному средству передвижения для лесной эльфийки.

— После беседы с верховными дриадами я вновь уплыву, — тихо пробормотала Юмэлия, борясь с дурнотой.

Миолан двинулся к двери, которая сливалась со стенами каюты, и распахнул её. До Юмэлии донеслась протяжная, нестройная песнь моряков, сливающаяся со звонкими напевами русалок.

— Как только вылечишься, — поправил эльфийку Миолан и приглашающим жестом указал ей на выход. — А теперь прошу, неплохо бы и подкрепиться перед тем, как сходить на берег.

Живот Юмэлии буркнул в подтверждение слов Миолана, но эльфийка всё же застыла на миг в нерешительности, будто если она переступит порог каюты, дороги назад уже не будет. Однако Юмэлии чудилось, что куда бы она ни пошла, куда бы ни сбежала, все её дороги приведут назад, к Аролану и тем мрачным тайнам, которые он скрывал не только от супруги, но и от себя самого. Потому Юмэлия покорно сделала шаг, готовясь к тому, что это путешествие может стать для неё последним.

Глава V

«Сядет когда на престол эльф пещерный, утонет тогда в крови королевство эльфийское».

—*«Книга Жизни».*

Пушистые серые облака медленно плыли по лазурному небу прямо к солнцу, чтобы растаять под его нежными весенними лучами. Аролан стучал пальцами по перилам балюстрады, втягивая носом солёную прохладу Лавандового моря. Зеленый алмаз на его обручальном кольце мягко блестел, ловя острыми гранями озорные солнечные лучи, пробивающиеся сквозь облака, полные дождя. Но ни одной капли не пролилось с неба в это ясное утро.

За спиной Аролана бормотали слуги, натирающие до блеска полы и мебель в трапезной, и с тревогой косились на короля, который беспечно разглядывал морские просторы. Слуги давно привыкли к мрачному настроению Аролана, а потому недоумевали, отчего он так спокоен сегодня. Они гадали: не предвещает ли это затишье скорую бурю, коими король так часто «радовал» обитателей замка.

После того, как Аролан победил объединенный флот Аванора силами воинов Алтерхэйла и собственной магией, прошло пять лет, а по всему Квелендилю до сих пор слагали песни в честь великого правителя, который практически в одиночку остановил многолетнюю войну и принёс мир на земли королевства. Положение короля Камелана при дворе пошатнулось, и почти никто не удивился тому, что он возложил корону на голову своему среднему сыну, герою войны.

Многие в народе роптали, памятуя о традициях передачи трона по старшинству, но принц Аролан с лёгкостью обошёл первого сына Камелана, Диолана, и все пытались разгадать, была ли причиной столь быстрой перемены на престоле только победа Аролана в войне или за этим стояло нечто большее. Слухами наполнилось королевство, и разносились они по городам Квелендила вместе с порывистыми весенними ветрами, порождая легенды и сказания о могущественном принце, которому не страшен ни собственный отец, ни родные братья. Но был в идеальном образе Аролана, созданном подданными королевства, один изъян, червоточина, имя которой — Юмэлия. О сбежавшей жене принца слагали не меньше песен, чем о её прославленном супруге.

— И что же, сегодня без дождя?

Нетерпеливый стук пальцев Аролана по каменным перилам остановил ироничный голос Идрисии. Король не обернулся к пещерной эльфийке, но ей и не требовалось его внимание, чтобы выразить своё недовольство.

— Это что же, плесень, что поселилась в моём шкафу и постели, останется без добавки?

Идрисия встала по левую руку от Аролана и оперлась спиной о балюстраду. Король бросил быстрый взгляд на бледное лицо эльфийки, единственным ярким пятном на нём выделялись алые пухлые губы.

— Плесень тебе к лицу, — равнодушно произнёс Аролан и перевёл взгляд на пенистые волны.

Идрисия скривила гримасу и смахнула с худого плеча толстую тёмную косу.

— Ты сегодня в хорошем настроении, как я погляжу. А мне приходится отвечать за подготовку к празднику одной. Не хочешь мне помочь и нанять ещё слуг? Как мы разместим в замке всю твою семью, если слуги ещё даже порядок не навели ни в одной из гостевых спален?

Идрисия говорила громко, так что слуги, которые трудились в трапезной, поспешили выказать усердие, чтобы не нарваться на наказание. Однако на их старания Идрисия лишь вскинула тонкую бровь.

— Они и твоя семья, — напомнил Аролан.

На пятые именины их с Юмэлией сына король вынужденно пригласил всю королевскую семью, члены которой до сих пор не видели юного принца и не знали его имени. Аролан хранил в строжайшем секрете всё, что касалось сына, трепетно оберегая его от тягот жизни под тяжестью короны, однако тем самым вызывал у подданных жгучее любопытство. Потому на грядущие именины принца со всех краёв Квелендила прибыли тысячи гостей. Алтерхэйл распирало от эльфов всех видов, людей и dwarфов так, что гул кипящего жизнью города долетал до самых отдаленных уголков замка.

— Мои родители не придут, — вскинула вздернутый на кончике нос Идрисия, — а из кузенов я только тебя хорошо знаю, так что твои братья и сестра мне всё равно, что чужие. Ты уверен, что замок выстоит от совместного семейного ужина?

Привычка Идрисии перескакивать с темы на тему обычно забавляла Аролана, но этим утром её раздраженный голос пробуждал у короля головную боль.

— Раз у тебя достаточно времени на праздную болтовню, — он покосился на кипящую от возмущения кухню, — значит, новые слуги тебе не нужны.

Идрисия взмахнула худыми руками и обернулась к Аролану.

— Какая такая праздная болтовня? Лучше своих фавориток гоняй, пусть они тоже помогают. Они только и делают, что бродят по замку и хихикают с твоими гвардейцами.

Аролан поморщился и дернул щекой.

— Пусть хихикают, тебе то до них какое дело?

Но негодование Идрисии уже было не остановить. Она продолжала кипеть, игнорируя то, как сгущаются тучи над её головой.

— Вот возьму и брошу всё, сам к именинам сына готовься. Раз твоей жене наплевать на него, так почему мне не должно быть?

Небо над замком надломилось от грохота. Глаза Идрисии расширились, но надменность никуда не схлынула, наоборот, она лишь сильнее вскинула подбородок и прямо уставилась на посуровевшего Аролана.

— Следи за языком, — глухо процедил он, но от его тона в трапезной в миг похолодело, так что слуги ускорились, чтобы согреться.

Идрисия хмыкнула и скрестила руки на плоской груди.

— Прости, но я так больше не могу. Я не нанималась в няньки и в прислужницы. Если ты не наймёшь ещё слуг, я уеду.

Аролан протяжно вздохнул. Тучи развеялись, сквозь них вновь пробилось золото утра.

— Я слышу это уже пятый год подряд, почему ты всё ещё здесь?

Лукавые глаза Идрисии сощурились, эльфийка пригнулась и протянула:

— А, спровадить меня решил. Учти, я не Миолан, не позволю с собой так обращаться. Из всех твоих друзей осталась одна я, относись ко мне с уважением.

Аролан потёр висок и махнул в сторону двери.

— Иди и отдохни, так и до горячки недалеко, — в его золотых глазах заплескали озорные искорки. — Заставлю Лунтана заниматься пылью в гостевых спальнях.

Идрисия коротко хохотнула и повернулась к морю. Она брезгливо оглядела туманный горизонт и покачала головой.

— Он и так от тебя прячется, бедолага, совсем загонял его. И чего тебе спокойно не спится? Королевство твоё, война кончилась, подданные благоденствуют. Тебе давно пора заняться своей личной жизнью.

Аролан стиснул зубы. Этот разговор уже не раз Идрисия, по науськиванию Глиасии, заводила с ним. Но король предпочёл изобразить невинность в надежде, что на этот раз нотации матери из уст Идрисии прозвучат иначе, чем обычно.

— Что ты имеешь в виду?

Идрисия рукой обвела бескрайние морские просторы.

— Королевству нужна королева. По двору слухи ходят, что король наш, то есть ты, распутник. Держишь фавориток, но ни одну из них своей законной супругой не сделал.

— Я женат, — отрезал Аролан, чувствуя, как к горлу подступает бурлящая ярость, но ему давно пришлось научиться с ней справляться. Он больше не взбалмошный принц, который мог позволить себе всё, что взбредёт в голову. Теперь на плечах Аролана лежала ответственность за целое королевство, которую он принял сам, зная, какую цену придется заплатить за благополучие его народа.

Идрисия искоса взглянула на Аролана и повела плечами.

— Ты — пещерный эльф, для нас брак — пустяк. Разведись с Юмэлией, поделом ей, пусть в одиночках до конца жизни бродит. Наверняка они с Миоланом не просто так вдвоём сбежали. К чему хранить верность той, кто не хранит её тебе?

Пальцы Аролана впились в камень перил. Он прикрыл глаза, старательно сохраняя невозмутимый вид. Идрисия ловко подмечала слабости любого и умело выворачивала их в свою пользу.

Однако Аролан на провокацию не поддался и холодно спросил:

— Закончила? За подруг своих печёшься?

Он знал, как ненавидит Идрисия эльфиек, которых ему со всего Квелендила отправляли представители знатных семейств в надежде, что среди них Аролан найдёт замену сбежавшей супруге, чего так, к сожалению многих, и не произошло.

Идрисия передернулась.

— Не подруги они мне. Выбери уже, наконец, одну, а остальных спровадь. Надоели мне эти глупые курицы.

Аролан не сдержал улыбки.

— Есть ли хоть одна эльфийка во всём свете, кого бы ты уважала? Что ни слово, то оскорбление.

Идрисия поморщилась и отвернулась.

— Да они сами надо мной смеются за моей спиной, — тихо проговорила она, но почти сразу вернула своему тону привычную нахальность. — Удар на опережение.

Аролан внимательно взгляделся в лицо кузины. Ей исполнилось двадцать пять вёсен, но она так и не научилась сдерживать маленькую капризную девочку, которая затаилась под толстыми слоями надменности, хитрости и презрения ко всему сущему. Идрисия походила на колючки на бесплодном кусте, которым нечего было защищать, но они упорно кололи всех, кто проходил мимо, веря, что поступают правильно.

— Ступай, мне наскучила твоя болтовня. Выплескивай желчь на кого-нибудь другого, мне хватает советников.

Идрисия уже подготовила колкость, но двери трапезной распахнулись и в них вошёл гвардеец в бронзовых доспехах. После того, как Аролан перенёс столицу из Элленгора в Алтерхэйл, он так и не потрудился заменить доспехи своей гвардии с бронзы на золото, как не потрудился перевезти в свой замок бывших гвардейцев отца. Аролан собрал вокруг себя тех, кому мог доверять и кого мог контролировать, и эльфы Камелана в их число не входили.

Гвардеец приблизился к открытой террасе, преклонил колено перед королем и протянул ему запечатанный конверт из простой замасленной по краям бумаги.

— Ваше Величество, вам записка из Мокрой гавани.

Аролан невольно улыбнулся, ямочки выступили на его веснушчатых щеках, когда он принял послание из рук гвардейца.

— И кто же тебе пишет? — Идрисия наклонилась было к плечу Аролана, но тот выставил руку и строго спросил:

— Не помню, когда я стал обязанным делиться с тобой государственными делами? Моё терпение не бесконечно, Идрисия, тебе ли об этом не знать. Я велел тебе ступать отдыхать.

Пещерная эльфийка покосилась на невозмутимого гвардейца и с излишней покорностью склонилась в реверансе.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Она удалилась, гордо держа осанку. Аролан проводил её взглядом, поражаясь тому, как с годами Идрисия всё больше походила на его мать, которая кроме семьи не признавала никого за достойных её внимания.

Гвардеец поднялся и, склонив голову, покинул трапезную. Только тогда Аролан дрожащими пальцами открыл конверт и с жадностью начал читать корявые строки, наскоро написанные на обрывке жёлтой бумаги.

Улыбка изогнула губы короля, сердце его забило быстрее в широкой груди, однако море сегодня всё ещё было на удивление спокойным.

Миолан натянул капюшон плаща на брови, поглаживая по спине Юмэлию, желудок которой неистово извергал съеденный на «Альционе» ужин на влажные доски пристани Мокрой гавани. Они только что сошли на берег, и Юмэлия с трудом дождалась, пока Миолан поблагодарит Утгара за то, что тот приютил их на своём корабле. Но как только они отошли от «Альциона», Юмэлию тут же вывернуло от волнения и обуревающих её тревог.

Закат обагрят тихие воды Лавандового моря неровными мазками, отовсюду раздавались крики капитанов: они подгоняли нерасторопных моряков, чтобы те успели накрыть зачарованными сетями корабли от русалок, любивших из вредности пакостить на судах по ночам.

Юмэлия, опорожнив саднящий желудок, поднялась и утерла рот рукавом. Её трясло, в висках стучал гулкий смех Тени, беснующейся на задворках разума эльфийки.

— Ну, не всё так плохо, пойдёшь налегке, — Миолан přátельски похлопал Юмэлию по плечу. Она извернулась от его руки и прохрипела:

— Я прибью тебя, Миолан.

Но пустынный эльф несколько не обиделся её угрозам, наоборот, только сильнее раззадорился.

— И я тебя люблю, Юмэлия, — с широкой улыбкой возвестил Миолан и с настороженностью огляделся. Несколько моряков из команды «Альциона» пристально оглядывали недавних спутников и о чём-то переговаривались. — Думаю, нам стоит поторопиться, мы внимание к себе привлекаем.

Юмэлия кивнула, накинула на голову капюшон и заправила за уши короткие русые пряди. Она не боялась, что её узнают, но привычка прятаться от любопытных взглядов въелась в естество Юмэлии настолько, что она предпочла поскорее скрыть ото всех своё бледное лицо, почувствовав облегчение, когда грубая ткань плаща коснулась её щёк.

Миолан безмолвно пошёл к крутому склону, где среди серого, пропитанного солью камня, скрывались выдолбленные в скале древние ступени, что вели к границе Курчавого леса, а Юмэлия вяло поплелась вслед за ним. Мокрая гавань располагалась вдали от оживленного Алтерхэйла и мало годилась для торговли, однако после того как король Аролан перенёс в город столицу, торговцам пришлось мириться с неудобствами повышением цен на свои товары в качестве вознаграждения за их тяготы. Но беглецам такая отдаленность была на руку: на пути им никто не попадался, так что они без труда добрались до кромки Курчавого леса, так никого и не встретив на пути.

Юмэлия шла за Миоланом с опущенной головой и вдыхала прелость водорослей, смешанную с запахом мокрых от недавнего дождя листьев и сладостью древесной смолы. Ком в горле всё никак не желал сглатываться, а ноги не слушались эльфийку и тянули её прочь, обратно в Мокрую гавань, во Франгербург, куда угодно, прочь от Атлерхэйла с его призраками.

— *На сколько же тебя хватит на этот раз?* — скрежет шёпота Тени резанул Юмэлию по ушам, и она поморщилась. — *День? Два?*

«Мне надолго и не нужно, — Юмэлия прислушивалась к шёпоту леса, но голоса его не могли перекрыть издёвки Тени. — Перестань докучать мне».

— *Никогда*, — шепнула Тень, лизнув холодом щеку эльфийки. — *Ты никогда от меня не избавишься.*

Юмэлия терла кожу лица до тех пор, пока она не начала гореть, скрыв лёд от касаний Тени. Эльфийка приблизилась к худой ольхе, прикоснулась ладонью к её шершавой коре и остановилась. Дерево под её пальцами умолкло в ожидании, когда непрошенная гостья уйдёт, чтобы продолжить свою неспешную песнь.

На память Юмэлии пришли её жалкие попытки вернуться в Алтерхэйл, чтобы навестить отца и брата, несколько лет назад, но всякий раз, когда Юмэлия ступала на пристань Мокрой гавани, Тень принималась изводить эльфийку с такой силой, что она в ужасе уплывала на ближайшем корабле, не спрашивая, куда он направляется.

Вот и сейчас Тень буйствовала и веселилась, показывая Юмэлии образы из её недавнего прошлого: новорожденного сына, строчки из прощального письма Аролану, которые эльфийка помнила наизусть, печальные глаза верховных дриад, в которых ей чудилось заслуженное осуждение. Вихрь воспоминаний закружился с такой силой, что сбил дыхание Юмэлии. Она схватилась за грудь, которой отчаянно не хватало воздуха, и мысленно закричала, чтобы Тень убиралась прочь, но та не слушалась, упорствуя в своём желании свести эльфийку с ума.

— Понести тебя?

Взволнованное лицо Миолана возникло перед затуманенным взором Юмэлии. Она даже не заметила, что плачет. Эльфийка остервенело утёрла слёзы и сжала кулаки.

«Хватит жалеть себя, — Юмэлия шмыгнула носом и отошла от ольхи, стараясь не обращать внимание на то, как дух хранитель древа расслабленно выдохнул. — Раз я уже здесь, так чего слёзы лить? Миолан прав, голова моя совсем помутилась из-за Тени, если не остановлю её, так и до беды недолго».

— Не нужно, — покачала головой Юмэлия и обошла Миолана, направляясь к Священной Роще. — Ты и так слишком много для меня сделал. Сама дойду.

Миолан прищурился, но не ответил и покорно последовал за эльфийкой в самую гущу священного для лесных эльфов леса, который враждебно взирал на незваных посетителей, но не спешил выказывать им своего недружелюбия.

Юмэлия старалась сосредоточиться на знакомых деревьях, на шорохе травы под ногами и заливиستم смехе фей, что принялись кружиться вокруг эльфийки, едва она вошла в Рощу, но это мало помогало освободиться от свербящего в пустом желудке чувства вины и ненависти к себе. Юмэлия мечтала избавиться от этих чувств, но понимала, что не сможет, ведь источник их крылся в ней самой, а не в ком-то, на кого она могла бы направить свой гнев.

Им не пришлось звать верховных дриад, чтобы они явили себя. Исфария и Асфария уже ожидали путников на мощных корнях Могучего древа в окружении стада оленей с ветвистыми серебристыми рогами.

Юмэлия вздрогнула, вспомнив о последней их встрече. Тогда она на этих самых корнях родила сына, которого тут же отдала верховным дриадам и скрылась, пока желание остаться не пересилило и не обрушило её жертвенные намерения.

Асфария смерила Миолана хмурым взглядом тёмных глаз и глухо проскрипела:

— Ступай, дитя пустыни.

Миолан покосился на молчаливую Юмэлию и натянуто улыбнулся.

— А я без проблем выберусь? Не как в прошлый раз, когда меня в ствол дуба дриады затянули? — ответом пустынному эльфу стало мрачное безмолвие Асфари и потрескивание магии в застывшем воздухе, от которого у Миолана дрожь по телу пробежала. Он поднял раскрытые ладони и отступил назад. — Ладно, понял, ухожу. Веселитесь.

Когда Миолан скрылся за тенями деревьев, Юмэлия расслабленно выдохнула и опустила напряженные доселе плечи. Даже пять лет спустя она чувствовала покой и умиротворение рядом с бессмертными и мудрыми дриадами, кои застали сотворение эльфийского мира и наверняка застанут его погибель.

Исфария торопливо сошла с корней дуба и приблизилась к Юмэлии. В её чёрных глазах сияло сочувствие, от которого у эльфийки закололо в окаменевшем сердце. Юмэлия отвела взгляд и позволила верховной дриаде дотронуться до своей груди. Теплота от ладони Исфарии разлилась солнечным светом по телу Юмэлии, даруя той незаслуженную радость.

— Много лун прошло, дитя леса, — раздался шершавый шёпот Асфарии. Она вскинула подбородок, венец из дубовых листьев на её челе колыхнулся от дуновения ветра. — Вижу, переменялась душа твоя, стала тонкой.

Юмэлия не собиралась лукавить или тянуть с вопросами, что мучили её годами. Она подняла голову и взглянула на Исфарию в надежде достучаться до неё и получить ту правду, которую от неё так долго все скрывали.

— Вы не рассказали мне раньше, так расскажите сейчас, тянуть дальше нет сил, — Юмэлия несмело коснулась руки Исфарии, прижатой к её груди. — Почему мне снится маленькая я? Чего она хочет? Она рассказывала мне о том, что когда-то мы были знакомы с Ароланом, что я виновата в побеге матери, что Сиолан твой сын, Исфария. Мне кажется, Тень нечестна со мной, но в то же время я уверена, что она не лжёт. Я запуталась, прошлое и реальность смешались, я пугаю всех вокруг себя, я себя пугаю. Я схожу с ума.

Истина, сорвавшаяся с губ Юмэлии, заставила её умолкнуть. Даже в самые тёмные дни она не могла признаться себе в том, что теряет рассудок. Юмэлии казалось, что ей хватит смелости сражаться с самой собой, с мороком воспоминаний, но сколько бы они ни билась, ни на шаг не приближалась к победе, и всё сильнее запутывалась в самой себе.

— Ты противишься, — прошелестела Исфария и взяла лицо Юмэлии в свои ладони. — Вот что происходит с тобой.

— Противлюсь чему? — едва слышно пролепетала эльфийка, сдерживая рыдания, клочущие в горле.

— Истине, чувствам, прощению.

Монотонность слов Асфарии, вступившей в беседу, пробуждала в Юмэлии раздражение. Эльфийка посмотрела на неё, полную хладнокровного безразличия, и севшим голосом прохрипела:

— Значит, всё, что говорит Тень, правда?

Асфария погладила горделивого оленя меж его рогов и бесстрастно проскрежетала:

— Это известно лишь тебе.

Юмэлия отстранилась от Исфарии и вскричала, выпуская наружу скопившуюся в ней злобу:

— Вы не помогаете!

Кроны деревьев затрепетали, скрипели и гудели от возмущения ветви. Дриады выглянули из стволов и зашептались между собой, поглядывая на эльфийку, потянувшуюся к кинжалу у себя на поясе. Исфария прижала ко рту ладонь и в испуге смотрела на Юмэлию, пока Асфария не поспешила уgomонить разбушевавшуюся эльфийку.

— Не кричи в Священной Роще, дитя. Пусть в тебе и течет наша кровь, но не смей тревожить духов леса своим гневом.

Юмэлия затравленно огляделась и опустила руки, а затем безвольно рухнула на колени в шелковистую траву. Здесь, в Роще, она не имела права притворяться той, кем так старательно хотела быть: сильной, способной выстоять под напором любых трудностей, которые ей готовила судьба. Рядом с верховными дриадами она вновь превращалась в маленькую испуганную девочку, так и не сумевшую вырасти и стать достойной своего уважения.

Один из оленей выбился из стада, подошёл к Юмэлии и положил голову ей на колени. Эльфийка дотронулась до его мягкой бурой шерсти и невольно улыбнулась. Влажные тёмные глаза оленя прикрылись от ласки. Только сейчас Юмэлия осознала, как скучала. По дому, по лесу и детству, когда всё делилось на тёмное и светлое, а правда и ложь не переплетались между собой в тягостную действительность.

Исфария подогнула свои оленьи ноги и присела рядом с Юмэлией.

— Ты убегаешь и путаешься, — верховная дриада провела ладонью по коротким прядям эльфийки. Губы её печально изогнулись. — Остановись и взгляни своим страхам в глаза.

Асфария вскинула руку, испещрённую сеткой черных вен, и туманно возвестила:

— Повзрослей и возьми ответственность за совершенное и за то, что случится.

Юмэлия продолжала гладить оленя по голове, чтобы не поддаться вновь обжигающей ярости. Она предчувствовала, к чему подталкивают её верховные дриады, но не знала, как подступить к себе и принять неизбежное.

— Вы предлагаете мне вернуться? Подвергнуть опасности родных? Я ничего не принесла хорошего в их жизнь, без меня им лучше.

Асфария скривила губы и возвела глаза к ясному небу, которое стремительно поглощали пыльно-серые сумерки.

— В тебе говорит обиженная маленькая девочка, она управляет тобой.

Исфария кивнула словам сестры и продолжила:

— Ты не принадлежишь себе, ты не слышишь своего голоса. Чары лишь ускорили то, что давно было начато.

Юмэлия закрыла лицо руками, олень у её коленей недовольно приоткрыл глаза.

— Я не понимаю, — сквозь пальцы проговорила она. — Тень говорила, что чары должны сломаться, если я полюблю Аролана, разве не так?

Эльфийка шумно выдохнула. Произносить его имя оказалось также больно, как и думать о нём.

Исфария заботливо отняла руки Юмэлии от лица и приобняла её, Асфария же продолжала колоть эльфийку истиной:

— Печать чар уже сломана. Ты придумала наказание для себя, если вдруг вновь влюбишься в того, кого не заслуживаешь.

Юмэлия привыкла к витиеватым речам верховных дриад и всегда относилась к ним с почтением, но сейчас она всё сильнее терялась в их разговоре, не в силах осознать его суть.

— Что это значит? — спросила эльфийка, уже не веря в то, что сможет добиться от верховных дриад однозначных ответов.

Исфария крепче обняла Юмэлию и прошептала ей на ухо:

— Воспоминания вернулись, но ты их не принимаешь, и твой разум постепенно мутнеет. Вскоре ты перестанешь узнавать тех, кого знала, и будешь жить в прошлом.

— У тебя не так много времени, чтобы разгадать загадку, которую ты сама себе загадала, — вторила сестре Асфария.

— Поторопись, иначе туман забвения окутает тебя навсегда.

Слова Исфарии заставили Юмэлию замереть от ужаса. То, чего она так боялась, обретало в полумраке Роши власть над эльфийкой.

— Я сойду с ума? — дрожа всем телом, она вынырнула из объятий Исфарии и вцепилась в её шершавую руку. — Умру?

За неё ответила Асфария, поставив точку в метаниях Юмэлии:

— Ты потеряешь себя безвозвратно.

Эльфийка закрыла глаза и шумно сглотнула. Она и сама знала, что капля за каплей утрачивает себя в кошмарах и беседах с Тенью, но не готова была услышать об этом от тех, кого

привыкла считать своей опорой. В этот миг всё внутри Юмэлии рухнуло, обломки острыми гранями терзали её душу, превращая её в ошмётки.

Из уст Юмэлии против её воли сорвался вопрос, который мучил её целую жизнь:

— Что мне делать?

Исфария помогла Юмэлии подняться. Олень вернулся к своему стаду и потерялся мордой о бедро Асфарии.

— Идти дорогой, что предназначена тебе, — Исфария напоследок оставила поцелуй на лбу Юмэлии и отошла к Могучему дереву.

— И перестать искать пути, которые не принадлежат тебе, — добавила Асфария и скрылась в коре дуба, не попрощавшись.

Юмэлия позволила слезинкам скатиться по её щекам. Только здесь она могла разрешить себе не прятаться за твердой стеной упрямства.

— Они не простят меня, — едва слышно промолвила она, опустив глаза в землю. — Никогда не простят.

Исфария склонила голову к плечу и нежно проворковала:

— Их ли прощенья ты должна заслужить?

Юмэлия вскинула голову, но верховные дриады уже скрылись, забрав с собой умиротворение, в котором эльфийка нуждалась больше, чем в ответах.

Глава VI

«Полгода длится весна, полгода длится лето в землях Квелендия. И только древние нимфы помнят, каковы суровые зимы, что вызывали дыханием своим инеистые драконы».

— «Книга Жизни».

Восемь лет назад

Феа-Лор — праздник окончания весны и начала лета, в Алтерхэйле традиционно проводили на небольшом отрезке песчаной отмели рядом с Мокрой гаванью. Дварфы, люди и эльфы забывали на время о спорах и недомолвках, вместе танцевали под солнечными лучами и купались в тёплых водах Лавандового моря, не страшась, что на дно их утащат русалки, которые уплывали в этот день на дно собирать кейсарины, подводные фрукты, дарующую красоту и молодость.

Аролан вместе с Идрисией и Миоланом полулежал на покрывале из изумрудного бархата в тени скал и бездумно оглядывал подданных, мокрых и счастливых, которые плавали на мелководье, обменивались шутками и пели задорные песни. Никто бы ни различил в них недавних умирающих от жуткого голода горожан. Два года ушло у Аролана на то, чтобы вернуть в Алтерхэйл благополучие и сытость. Камелан выполнил клятву, данную в Тихих горах, и прислал из столицы обозы, полные провизии, но этого оказалось недостаточно, чтобы вернуть алтерхэйльцам уверенность в завтрашнем дне и тягу к жизни.

Аролан рыскал по всему городу, рассылал своих поверенных, чтобы найти причину неурожая, который и привёл Алтерхэйл к голоду, но все поиски его оказались тщетными. Земли и реки города будто вдруг позабыли о том, что когда-то они были плодородны и кормили тысячи жителей.

Из людских деревень в Алтерхэйл свозили муку и рыбу, но этого всё равно не хватало, чтобы прокормить всех. В те два года Аролан впервые познал, что значит засыпать без крошки во рту, ведь даже в бегах с Юмэлией им удавалось найти хоть что-нибудь съестное. Аролан отдавал королевские запасы продовольствия народу, от которого когда-то бежал. Чувство вины подгоняло его, заставляло денно и нощно искать способы уберечь вверенных ему горожан от голодной гибели.

Два года как не омрачались лица алтерхэйльцев воспоминаниями о страшных днях, но души их наполнились пережитыми трудностями и никогда уже не стать им прежними. Однако Аролан не прекращал попыток вернуть утраченную беззаботность горожанам, и забытые в года голода празднества помогли ему в его благородной затее.

Глядя на то, как радуются и отдыхают горожане, позабыв о делах и заботах, Аролан невольно улыбался, ощущая, как тяжесть на его плечах легчает и, наконец, позволяет ему сделать вдох полной грудью. Но улыбка его померкла, когда в толпе среди пенистых волн он увидел Юмэлию. Она смеялась и танцевала в обнимку с человеческой девушкой, подпевая озорной песне рыжеволосого дварфа. Платье Юмэлии промокло и прилипло к телу, подчеркнув округлившиеся женственные формы. Русые волосы эльфийки взлохматились, капли воды на них блестели, как крохотные алмазы.

Аролан отвернулся и поджал губы. Как бы он ни пытался избегать Юмэлию, она всегда находила лазейку, чтобы пробраться напрямик к его сердцу.

— Плещутся, как дети малые, погляди-ка на них, — Миолан хохотнул и залпом опрокинул полный пряного вина кубок.

— Не хочу, — отрезал Аролан и сел, закинув локти на расставленные колени. Благоприятное настроение его улетучилось, под кожей заструилась магия, которую он так ни разу и не использовал с тех пор, как его побег закончился поражением.

Идрисия медленно срывала ягоды с виноградной грозди и лениво отправляла их в рот. Со скучающим видом она оглядела резвящихся жителей и скептически изогнула бровь.

— Бедняки так весело празднуют, — протянула Идрисия, — никогда не видела ничего смешнее.

Миолан пихнул её в плечо, на что эльфийка недовольно сморщилась, и со смехом предложил:

— Так иди с ними поплескайся, чего нос воротить? Боишься платье замарать?

Идрисия привстала и демонстративно отряхнула рукав платья из красного шёлка.

— Репутацию.

Миолан скривил ей гримасу и повернулся к морю. Карие глаза его вдруг заблестели, и он с хитрой ухмылкой обратился к умолкшему Аролану:

— Смотри-ка, та тощая эльфийка похорошела. А она и впрямь ничего.

Аролан прикрыл глаза и сжал зубы. С пальцев его так и норовили сорваться искры магии, чтобы окатить Миолана солёной волной.

— Вы о ком? — Идрисия обменялась с Миоланом заговорщицким взглядом. — Та, что обжимается с речным эльфом?

— Что? — Аролан вскочил на ноги и принялся всматриваться в толпу, но не успел он разглядеть Юмэлию, как Миолан схватил его за итанину и потянул вниз.

— Попался! — он притянул принца к себе и закинул руку ему на плечи. — Так я прав? Она тебе понравилась? Отчего же тогда не пригласишь её погулять с нами?

Аролан в ярости скинул руку Миолана и встретился глазами с Юмэлией. За тонкую талию её придерживал эльф с длинными светлыми волосами, на щеках его пунцовел румянец, а в синих глазах сияла невинность влюбленности. Аролан признал в нём Сагара и помрачнел.

Порывистый ветер всколыхнул дремавшие воды Лавандового моря, волны стали напористее, они отгоняли горожан ближе к песчаной отмели, но те были слишком раззадорены, чтобы встревожиться.

Аролан с трудом перевёл взгляд на Миолана и схватил его за ворот камзола.

— Ещё раз про неё со мной заговоришь, я тебя утоплю в море.

Миолан прищурился, но не подал виду, что угрозы принца обидели его. Он вырвался из хватки Аролана, поднялся на ноги и отряхнул песок со итанин.

— Ладно, не хочешь говорить ты, пойду я.

И, не объяснившись, Миолан целеустремленно направился к воде, на ходу снимая камзол из бурого бархата.

Аролан побагровел от злости и закричал вслед другу:

— Вернись! Я приказываю тебе остановиться!

Но, осознав, что Миолан его не послушается, бросился за ним, оставив Идрисию в одиночестве. Она возвела глаза к небу и протяжно вздохнула:

— Мужчины.

Миолан бросил камзол на песок, скинул обувь, подвернул итанины до коленей и вошёл в воду. Илистое дно податливо прогнулось под его ступнями, затягивая, но Миолан продолжал упорно идти вперёд, пока не оказался прямо перед Юмэлией и её друзьями. Эльфийка уставилась на него, Сагар замер и притянул её к себе за талию.

Миолан оценивающе осмотрел их и упер мускулистые руки в бока.

— Меня к себе возьмете? Уж очень весело у вас тут, наскучило со стороны смотреть.

Из-за плеча Юмэлии выглянула девушка с каштановыми волосами и хитро ухмыльнулась.

— Конечно! Как отказать королевским особам, — проговорила она, за что получила щипок за руку от Юмэлии.

— Я — Миолан, простой эльф, а вы? — он едва сдержал смех и почтительно поклонился, выставив руку в сторону. Миолан спиной чувствовал гнев Аролана, который приближался к ним неспешно, но неумолимо.

— Я — Жюли, — девушка вышла из-за Юмэлии и протянула ему руку. — А эти двое — мои молчаливые друзья. Они обычно надоедливые, но бывают забавными.

Миолан ответил на рукопожатие и уже хотел было втянуть в разговор Юмэлию, как за спиной его раздался грозный голос Аролана:

— Миолан, пора возвращаться в замок. Хватит с тебя на сегодня веселья.

Пустынный эльф обернулся и в изумлении уставился на принца. Вода расступилась перед ним, обнажив дно, усыпанное перламутровыми ракушками. Алтерхэйльцы, впервые увидев магию Аролана, пораженно застыли и стихли, прислушиваясь к назревающей сцене.

Аролан хмуро воззрился на Юмэлию, обвёл её побелевшее лицо взглядом и криво ухмыльнулся.

— Чего с простолюдинами развлекаться, — сорвалось с его губ. — Не думал, что ты решишь опуститься до такого.

Брови Юмэлии взмыли вверх, по щекам её расползлись розоватые пятна. Она сделала шаг вперёд, вода раздраженно вспенилась у ног эльфийки.

— И в самом деле, вам лучше уйти, Ваше Высочество.

Аролан будто этого и ждал. Он неторопливо приблизился к Юмэлии, вода отступила от неё, промозглый ветер обжёг эльфийку холодом, и она съезжилась.

— Указываешь мне, что делать? — принц указательным пальцем поднял подбородок Юмэлии, его горячее дыхание колыхнуло её ресницы. — Кто ты такая, чтобы прогонять меня?

Юмэлия дрожала всем телом, Аролан видел её страх, он пробуждал в нём мрак, который тот запечатал внутри себя четыре года назад.

— А что, только вам это позволено? — голос Юмэлии дрогнул, но решительность её пересилила смущение перед принцем. — Сегодня праздник, так не портите его своим присутствием.

Аролан наслаждался её ненавистью. Он больно сжал Юмэлию за подбородок, жар её тела опалил его пальцы, а знакомый аромат дурманил разум принца, вынуждая того потеть самообладание.

— Юмэ, ты чего? — послышался тихий голос Сагара. Он встал за Юмэлией и мягко взял её за плечи. — Прекрати.

Аролан быстро взглянул на Сагара и нахмурился.

— Юмэ, значит, — он резко убрал руку и отошёл, чувствуя на себе любопытные взгляды алтерхэйльцев. — Уйду, если извинишься. Преклонись передо мной, и я перестану портить вам праздник.

Глаза Юмэлии расширились, дыхание девушки на миг оборвалось, и она прижала руку к груди.

— Ещё чего! Не бывать этому!

Сагар торопливо сжал плечи эльфийки и прошептал ей на ухо, почтительно глядя на Аролана:

— Юмэ, сделай, как он говорит. Попроси прощения.

Губы принца скривились. Он понимал, что переходит прочерченные собой же границы, но не мог остановиться, не сейчас, когда Юмэлия смотрит на него с такой жгучей злобой.

— Ты же не хочешь, — он повел рукой в воздухе, перстни на его пальцах отбросили на воду издевательские солнечные брызги, — чтобы твои друзья пострадали из-за твоей наглости?

Вода закружилась вокруг ног Жюли и Сагара, утягивая их на дно. Жюли покачнулась и упала, так что над водоворотом виднелась лишь её макушка. Юмэлия обернулась к друзьям и прикусила нижнюю губу. В бешенстве она подошла к принцу и быстро, чтобы не передумать, рухнула перед ним на колени.

— Простите, Ваше Высочество, — она вскинула руки в молитвенном жесте, уничтожая Аролана взглядом.

Принц дернул скулой, на щеках его проступили ямочки.

— Так-то лучше, — он наклонился и провёл тыльной стороной ладони по пылающей щеке Юмэлии. — Запомни, где твоё место. У моих ног.

Он отстранился и быстрым шагом направился к берегу. Волны за Ароланом стянулись и вернулись на прежнее место, окатив Юмэлию холодными брызгами.

Кровь в венах Аролана бурлила, небо над ним стремительно серело, в отдалении слышались громовые раскаты.

— Ты чего? — Миолан догнал принца и схватил его за предплечье, но Аролан с лёгкостью от него отмахнулся, бормоча себе под нос:

— Слышат духи, я обещал не вмешиваться, но этот... Никуда не годится.

Он шёл все дальше и дальше, к замку. Миолан растеряно остановился рядом с Идрисией, которую представление явно не впечатлило.

— Совсем обезумел, — Миолан почесал затылок. — И почему нельзя просто признаться в том, что тебе понравилась эльфийка? К чему разыгрывать сцену?

Идрисия беспечно пожала плечами и сорвала с грозди винограда одну ягоду, а затем медленно покрутила её в пальцах.

— Чувствую, ничего, кроме проблем, она нам не принесёт, — возвестила пещерная эльфийка и впилась зубами в нежную кожицу виноградинки.

— Зато будет весело, — Миолан криво улыбнулся, следя за тем, как среди скал теряется силуэт Аролана.

Ночь Юмэлия провела, уютно устроившись в корнях ольхи на краю Священной Рощи. Дух дерева не возражал её соседству, но его дриада-хранительница, вздернув острый носик, выскользнула из ствола и умчалась ночевать к своим подругам. Юмэлия старалась не придавать значение пренебрежению духов леса, но у неё это мало получалось. С тех пор, как она оставила своё дитя и сбежала, те дриады, что поддерживали её несмотря на оборванную связь, отвернулись от Юмэлии. Для обитателей леса не было ничего важнее семьи и потомства, эту черту переняли от них и лесные эльфы. Поступок Юмэлии отвратил от неё лесных духов, которые не смогли смириться с тем, что внучка верховной дриады посмела бросить своего ребенка. Юмэлия не винила их, ведь она более и не ждала от других понимания и принятия. Ненависть, злоба, ярость — только эти чувства приносили ей спокойствие и удовлетворение.

Игривые лучи рассветного солнца щекотали щеки Юмэлии. Она открыла глаза и поморщилась, пытаясь вспомнить, где находится. Этой ночью кошмар ей не приснился, и эльфийке впервые за пять лет удалось выспаться. Тень отчего-то затихала в Священной Роще и не тревожила разум Юмэлии, но эльфийка знала: едва она выйдет за пределы Рощи, Тень сторицей воздаст ей за этот миг отдохновения.

Юмэлия потянулась и взглядела в неровную цепь Тихих гор на лиловом горизонте. До кузницы отсюда было рукой подать, а до замка и того ближе. Миолан со вчерашнего вечера не появлялся, но Юмэлия не спешила его искать, не сейчас, когда она не ведает, каков будет её следующий шаг.

«Не могу я заявиться на пороге замка и потребовать у Аролана ответов, — Юмэлия поднялась на ноги и благодарно погладила ствол ольхи, та безмолвно стерпела ласку. — Если он прогонит меня, а он прогонит, мне больше некуда будет пойти. Верховные дриады справед-

ливо возложили на меня обязанность исправить совершенные ошибки и прогнать Тень, но я не понимаю как. Сколько бы я ни пыталась разобраться в своих воспоминаниях и рассказанных Тенью, у меня не получается сложить все кусочки воедино. Будто мне чего-то не хватает».

Юмэлия потопталась на месте, не решаясь пересечь границу Священной Рощи, за пределами которой эльфийку поджидало морозное дыхание Тени.

«Нет, не стоит мне тревожить Аролана, — она слотнула и всмотрелась в острые башни замка, прорезающие вершинами пушистые пунцовые облака. — Он и так достаточно страдал из-за меня. Я должна найти решение загадок Тени сама, без чьей-либо помощи. Не хочу никого вмешивать в свои проблемы. Помощи я уж точно не заслуживаю».

Взгляд её сам собой переместился к уступу скалы, скрытому за густыми кронами деревьев, где располагалась отцовская кузня.

«Отец мне ничего не расскажет, так, может, в доме я найду хоть что-нибудь, за что смогу зацепиться? — Юмэлия решительно сжала кулаки и выпрямилась. — Да, точно, прокрадусь незаметно в кузню и попробую поискать зацепки там. Тень наверняка не станет молчать и даст намёк, что делать дальше. Если не получится, тогда тут же уплыву. Пока я вдалеке от родных, им никак не навредит моё безумие».

Решившись, Юмэлия скорым шагом помчалась к кузне. Как только она вышла из спасительной тишины Рощи, Тень с хохотом обрушилась на эльфийку с издевками, но на этот раз Юмэлия не поддавалась ей. Родной дом, как маяк, притягивал взор эльфийки и отгонял, пусть и ненадолго, мрак в её спутанных мыслях.

Вид кузни, согреваемой золотистыми лучами, отдался болью в груди Юмэлии. Она остановилась в тени деревьев и прижала руку ко лбу, покрывшемуся испариной. Эльфийка тяжело дышала, каждый вдох обжигал её легкие и туманил сознание.

— *Беги, трусиха,* — язвила Тень над ухом Юмэлии. — *Чего ты тут ищешь? Нечего тебе глаза мозолить отцу и брату. Не рады они будут тебе.*

Эльфийка уловила в её скользком шёпоте тень тревоги и ухмыльнулась.

— Раз ты противишься, значит, точно пойду.

Юмэлия оглядела окна дома, в нём царило безмолвие, но из трубы кузни валил чёрный дым. Эльфийка поджала губы, перед её внутренним взором возник образ отца в рванной рубахе, его мускулистые руки, покрытые потом от жара горна, и мягкая улыбка, в которой крылось так много перенесённых по вине дочери страданий.

— *Пожалеешь потом, помяни моё слово,* — услышав мысли Юмэлии, пророкотала Тень, но эльфийка гневно отмахнулась от неё.

— Я жалею, что не могу придушить тебя во сне.

Юмэлия направилась в обход дома, прячась за кустами ежевики.

— *Однажды мои руки сомкнутся на твоей шее, обещаю,* — хихикнула Тень и скрылась, но эльфийка чувствовала, что она глумливо наблюдает за её жалкими попытками незаметно пробраться в дом.

«И как Жюли с такой легкостью это делала?» — Юмэлия нахмурилась, вглядываясь в трещинки в каменной кладке. Но лицо её вдруг просияло, когда она заметила небольшие выбоины в камнях, которые можно было использовать для подъёма. Окно в её спальне, на удачу, было приоткрыто, так что Юмэлия, убедившись, что никто за ней не смотрит ни из леса, ни из дома, на цыпочках приблизилась к стене.

«Не зря в кузне молотом махала», — Юмэлия всунула мозолистые руки в выбоины и без труда подтянулась. Ноги нашли опору между рядами кладки, и эльфийка начала восхождение. Мышцы её податливо откликались на движение, тело сосредоточилось на ощущениях в руках и ногах, так что вскоре Юмэлия ловко поднялась к окошку в мезонине и перемахнула через подоконник почти без звука.

«Если бы я попыталась сделать это пять лет назад, то с позором провалилась бы», — с тоскливой усмешкой подумала она, пока глаза её привыкали к полумраку родной комнаты.

Слой толстой пыли покрывал стол, заваленный истлевшими лечебными травами и неограниченными драгоценными камнями. Юмэлия несмело провела рукой по столешнице и втянула носом затхлый запах заброшенности. Отчего-то в горле её засвербело, но эльфийка не могла понять, то ли это от пыли, то ли от слез, что так и просились сорваться с её ресниц.

— *Да, поплачь, птичка,* — просипела Тень. — *Только это ты и умеешь делать, не так ли?*

Юмэлия отошла от стола и бросила быстрый взгляд на заправленную кровать. Покрывало на ней давно выцвело.

«Закрой свой рот», — мысленно шикнула она и двинулась к двери. Её комната мало годилась для поиска зацепок, да и Тень здесь была подозрительно тиха и ленива, так что Юмэлия решила идти дальше.

Дверь тихонько скрипнула, когда эльфийка потянула ручку. Юмэлия поморщилась и через щёлку выглянула наружу.

«Как вор в собственном доме», — мрачно подумала она и выскользнула в пустынный коридор.

— *О, тебе так подходит эта роль.*

Юмэлия проигнорировала высказывание Тени и направилась к лестнице. С первого этажа доносился аромат свежее испеченного хлеба, жареного мяса и волшебных масел, которые использовали для зачарования оружия. Юмэлия вдыхала этот знакомый с детства запах и вспоминала об отце и матери, о Юрдзанге, у которого она отняла семью.

«Сколько ему уже? — она вцепилась пальцами в деревянные перила. — Он был ребенком, когда я ушла».

Юмэлия приложила руку к груди. Под ладонью неистово колотилось сердце, призывая бежать без оглядки, пока не поздно, но она не успела прислушаться к нему. За спиной Юмэлии раздался скрип половиц, и эльфийка замерла, зажмурившись.

— Чего вам здесь надобно? — грубый мужской голос показался Юмэлии незнакомым. — Кто позволил по чужому дому шастать? Кто ты такой?

Плеча её коснулась тяжелая рука, вынуждая обернуться. На Юмэлию с возмущением смотрел юноша на полголовы выше неё. Его длинные русые волосы были собраны в низкий хвост, на правой брови серебрился тонкий шрам, а ореховые глаза искрились враждебностью. Однако, когда эльф внимательно оглядел чужака, тут же в изумлении отпрянул.

— Юмэлия?

Эльфийка была ошарашена не меньше. В жилистом юноше она с трудом признала Юрдзанга.

— Доброго дня тебе, брат мой, — прохрипела она, цепляясь за перила так, будто они могли помочь устоять ей в грядущей буре.

Юрдзанг покачал головой и скрестил руки на широкой груди. Рукава простой рубахи были закатаны, обнажая упругие мускулы.

— Брат. Удивлен, что ты обо мне всё ещё помнишь.

Юмэлия не могла оторвать взгляда от повзрослевшего брата. Он так походил на отца, и лишь глаза юноши, чуть раскосые, напоминали о речном происхождении его матери.

— Ты так вырос, — она сделала шаг, желая коснуться брата, стереть с его лица угрюмое выражение, которое будто вросло в его кожу. — Я...

Юрдзанг цокнул языком и выставил вперед ладони, покрытые застарелыми и свежими мозолями.

— Только давай без всех этих: «Мне очень жаль», «Я так виновата». Не нужно мне от тебя ничего. Уходи туда, откуда пришла, у меня работы полно.

Отчуждение брата судорогой прошло по телу Юмэлии. Юрдзанг направился вниз, толкнув сестру плечом, но она остановила его, схватив за руку, и с надеждой промолвила:

— Помочь?

Юрдзанг вырвал руку и, не глядя на сестру, бросил через плечо:

— Сам как-нибудь справлюсь. Пришлось справляться.

Он продолжил спускаться с лестницы, Юмэлия молча провожала его взглядом. Она знала, что так будет. Знала, что никто не станет встречать её с распростертыми объятиями, но...

«Почему же мне всё ещё так больно?» — Юмэлия прикусила губу и почувствовала солоноватый привкус крови, от которого горчило во рту.

— *О, как он обижен на тебя, птичка,* — глумилась Тень. — *Он купался в любви родителей, а ты нет. Его любили, а тебя терпели. А он ещё и обижается. Интересно, если бы ты бросила его, как сына, в младенчестве, он бы простил тебя?*

Издёвки Тени били прямо в цель. Ярость заклокотала в жилах Юмэлии, и на этот раз она была не в силах остановить её. Эльфийка громко стукнула ладонями по перилам, привлекая внимания Юрдзанга, который почти успел скрыться в гостинной.

— Я не твоя мать, — закричала на весь дом Юмэлия. — Я ничем тебе не обязана. Я всю жизнь наступала на горло своим желаниям в угоду семье. Я вышла замуж за того, кого не любила, ради тебя и отца. А как только выбрала себя, то вы от меня отвернулись. Вы видели во мне только средство для исполнения ваших прихотей, не эльфийку.

Лицо Юрдзанга осунулось. На миг он вновь стал тем мальчишкой, каким его помнила Юмэлия, однако пережитые трудности наложили на него отпечаток мрака. В свои пятнадцать он выглядел гораздо старше, как и Юмэлия когда-то.

— Мы видели в тебе семью, — тихо начал Юрдзанг, опустив голову. — Мне плевать на то, что ты сбежала. Ты должна была сказать мне, Юмэлия, а не бросать также, как мама. Я не знал мать, но знал тебя. Думал, что знал. Когда ты ушла, весь мой мир рухнул, ведь ты была всем для меня. Я гордился тобой, любил, я так хотел походить на тебя. Ты всегда шла вперед до самого конца и не отступала. Ты никогда не бежала ни от чего. А тут...

Он умолк на мгновение и поднял голову. Глаза его увлажнились, но его обида была сильнее грусти, а потому Юрдзанг с раздражением продолжил:

— Не знаю, почему ты сбежала. Но мы, твоя семья, не заслужили твоего предательства. А когда ты бросила сына... Я понял, что потерял сестру навеки. Уходи. Не здесь тебе стоит быть и не у меня просить прощения.

Юмэлия прикрыла глаза, ощущая, как глыба в её груди трескается, а смех Тени становится всё громче.

— Где отец? — почти беззвучно спросила она, борясь с дурнотой.

Голос Юрдзанга донёсся до неё будто сквозь толщу воды:

— Уехал год как, куда не сказал. Как и Жюли. Твоя попытка бежать оказалась заразна, — он усмехнулся. — Сагар женился. Работы в кузне хватает, не жалею, король Аролан не скупился на золото и помощь. На его месте я бы тебя на порог не пустил.

Юмэлия глухо рассмеялась и посмотрела на брата. Её почудилось, что в его взгляде проскользнуло давно утраченное озорство, но тут же потухло, когда она ответила:

— Он и не пустит.

Юрдзанг скривился и поправил кожаный фартук на груди, только лишь чтобы не глядеть на сестру.

— А ты и рада будешь. Уходи. Не хочу тебя видеть.

Юмэлия начала спускаться. Шаги гулом отдавались в её висках.

— Знаю. Я и не рассчитываю, что когда-нибудь захочешь. Твоя ненависть...

Юрдзанг вдруг вскинулся и с жалостью взглянул на сестру.

— Я тебя не ненавижу, Юмэлия. Я разочарован. Моя любовь к тебе не пропала, но... Я больше не могу дарить её тебе. Не после всего, что ты сделала.

И, не дожидаясь её ответа, Юрдзанг широкими шагами направился в кузню и громко захлопнул за собой дверь. Юмэлия осела на ступени и прижалась спиной к перилам. По пустому дому разносился гулкий звон металла о металл, в котором Юмэлии слышался крик мальчика, утратившего часть своего юного сердца.

Дорогу до замка она не запомнила. Ей было плевать, что на неё смотрят многочисленные прохожие и о чём-то шепчутся. Дети тыкали в эльфийку пальцем и звонко смеялись, обзывая её оборванцем. Кто-то даже предлагал помощь и милостыню, но Юмэлия безмолвно качала головой и продолжала плестись вперёд, туда, откуда с такой радостью бежала пять лет назад.

Шёпот Тени перебивал другие звуки, обрывки воспоминаний перекрывали яркость красок города, украшенного к празднеству. Юмэлия держалась за голову и мысленно благодарила свой желудок за то, что он избавился от еды в Мокрой гавани, а не прямо у входа в замок. Возвращалась она с позором, но хотела сохранить хотя бы жалкие остатки достоинства.

Её остановили двое гвардейцев возле парадного входа. Они неприступной горой возникли перед Юмэлией, слепя её блеском бронзовых доспехов.

— Кто такой? Бродяг в замок пускать не велено, — громыхал гвардеец, осмотрев Юмэлию через узкие просветы забрала.

— Мне нужно увидеться с королём, — сипло проговорила эльфийка и выдавила улыбку. — Скажите ему...

Она осеклась и схватилась за голову. Тень неистово бесновалась и перекрикивала её собственные мысли.

— Убирайся, пока я тебя за шиворот не оттащил, — гвардеец небрежно толкнул Юмэлию в грудь и она, пошатнувшись, упала на землю. Эльфийка криво усмехнулась, узнав его голос.

— А раньше ты обращался со мной куда вежливее, Улгар. Неужто я настолько сильно изменилась внешне?

Гвардейцы удивленно переглянулись, а затем внимательнее присмотрелись к Юмэлии в оборванном и пыльном мужском одеянии.

— В-ваше Высочество? — звякнув доспехами, Улгар торопливо наклонился и помог эльфийке подняться на ноги. — Вы вернулись?

Юмэлия скривилась от приступа тошноты и выдохнула сквозь стиснутые зубы:

— Похоже на то.

Глава VII

«Король Квелендила не должен идти никогда на поводу своих чувств. Важнее королевства для правителя нет ничего на свете, и не стоит ему забывать об этом, если не хочет он навлечь беду на подданных своих».

— *«Книга Жизни».*

Парадные двери замка с грохотом захлопнулись за спиной Юмэлии, она вздрогнула и съежилась под влиянием давящей роскоши и величественной монументальности. Эльфийка сразу ощутила себя крохотной и незначительной в сравнении с замком, вырезанном тысячелетие назад прямиком в скале. Стылый воздух гулял по пустынным коридорам, ковры и гобелены на стенах не спасали от свис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.